

Журнал министерства народного
просвещения 1896, №58. С. 235-275.

Веселовский А.И.
МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ **БЫЛИНАМЪ**.

XVIII.

Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидрекѣ
Бернскомъ.

Предварительное сообщеніе.

Въ германскихъ сказаніяхъ широко распространены были имя и представленіе героя-ковача Weland'a или **Vǫlund'a**; преимущественно въ нижней Германіи, откуда сага о немъ перешла въ Англію (Беовульфъ VII-VIII вѣка, Сѣтованіе Deor'a VIII вѣка, Waldere VIII-IX вѣка). Она рано встрѣчается въ Скандинавіи (Volundarkvida IX вѣка), въ именахъ старо-французскаго эпоса; въ верхнюю Германію она проникла, сравнительно, мало, но уже въ одномъ документѣ IX вѣка сопоставленіе

именъ Vvitigouvo и Vvelant указываетъ на знакомство **съ нею**. Имя героя: нижненѣм. Weland. англо-сакс. Weland, среднеангл. Weland, Velond; верхненѣм. Wieland; въ стихотворной Эддѣ: Volundr, въ сагѣ о Тидрекѣ: Volundr и Velent; въ фарейскихъ пѣсняхъ: Valint, **Walland**; во французскихъ chansons de geste: Galant, въ средневѣк. лат. Walandus, Galannus и Welandus. Guielandus.

I.

«Сѣтованія Деора» даютъ лишь общія очертанія саги о Веландѣ. Въ Вёлундарквидѣ разказывается о трехъ сыновьяхъ финскаго короля, Volund'ѣ, Slaidr'ѣ и Egil'ѣ, какъ они женились на лебединыхъ дѣвахъ, которыя покинули ихъ черезъ семь лѣтъ. Двое изъ братьевъ отправляются на поиски, Вёлундъ, оставшійся дома, схваченъ по приказанію шведскаго короля Nidud'a; его калѣчатъ, подрѣзавъ сухожилья подъ колѣнами, и садятъ на островъ, гдѣ онъ обязанъ ковать

для короля разныя диковинки, что онъ и дѣлаеть, тая мечь. Заманивъ въ кузницу малолѣтнихъ сыновей Нидуда, онъ убиваетъ ихъ, насилуетъ его дочь, а самъ улетаетъ.

Сага о Тидрекѣ (гл. 57-79) обставляетъ разказъ о Вёлундѣ цѣлою генеалогіей. Вильтинъ царитъ надъ Швеціей, Шоненъ, Зеландомъ, Ютландомъ и Винландомъ (гл. 21); такъ какъ его владѣнія простирались и на сѣверъ отъ Гольмгарда=Новгорода, то въ нихъ входила и Финляндія, полагаетъ Гольтгаузенъ. Ничего не говорится о громадномъ ростѣ Вильтина, какъ и его внука Вёлунда, но это представленіе связано съ его родомъ: сынъ Вильтина, Нордіанъ,- отецъ четырехъ великановъ; Etgeir, Aventrod, Vidolf и Aspilian (гл. 27, 193, 194); другой его сынъ Vadi (нѣм. Wateå -великанъ; онъ хочетъ отдать своего сына Вёлунда на выучку къ двумъ дворгамъ-ковачамъ, жившимъ въ Ballofa или Kallava; изъ Зеланда, гдѣ онъ жилъ, онъ отправляется на югъ, и взявъ мальчика на плечи, переноситъ его черезъ

Groenasuud (между островами Motn и Falster), гдѣ глубины было девять аршинъ. Сынъ Вёлунда, Vidga (нѣм. Witege), такой же исполинъ: когда онъ переходитъ въ бродъ рѣку Eidisa, Гильдебрандъ и его товарищи видятъ съ другаго берега лишь его голову и принимаютъ его за дверга Альфрика (гл. 82).

Дальнѣйшая судьба Вёлунда разказана въ сагѣ близко къ схемѣ пѣсни, но съ нѣкоторыми новыми подробностями; отмѣчу лишь немногія. Когда по прошествіи нѣкотораго времени Вади явился къ двергамъ за сыномъ, его засыпало горою, у подножія которой онъ легъ спать, а Вёлундъ убиваетъ дверговъ мечемъ, который отецъ спряталъ для него на случай опасности, воткнувъ его въ кустъ по рукоятъ. Нагрузивъ коня сокровищами дверговъ, Вёлундъ направляется на сѣверъ, въ Данію (гл. 61.); рѣка Визара остановила его; тогда онъ выдолбилъ стволъ дерева, закупорился въ немъ наглухо со всѣмъ своимъ добромъ и сталъ раскачивать его, пока не свалился въ рѣку, которая вынесла

его въ море, въ Ютландію, къ королю Нидунгу (гл. 62), Нидуду Вёлундарквиды, въ колею которой снова впадаетъ разказъ саги съ отличіями, не всегда существенными для цѣлей нашего сравненія. Вёлундъ посаженъ въ кузню, съ подрѣзанными поджилками на колѣняхъ; улетаетъ на самодѣльныхъ крыльяхъ и впослѣдствіи женится на королевской дочери, которую обезчестилъ. Его сынъ Видга. - Какъ видно, въ этомъ разказѣ опущенъ эпизодъ Эдды о лебединыхъ дѣвахъ, можетъ быть, принадлежавшій, хотя и не въ этомъ видѣ, къ древнему составу сказанія.

Веландъ-Вёдундъ перешелъ въ преданіе, какъ мудрый ковачь; ему приписывали разныя чудесныя подѣлки: мечи, чаши, кольца; на сѣверѣ его имя обобщилось въ значеніе *faber*, какъ финск. *serpa*: онъ великій *Volundr*, то-есть, мастеръ, говорятъ еще и теперь въ Исландіи, какъ говорили встарь; Альфредъ Великій переводитъ лат. *Fabricius*: *Weyland*, какъ въ староверхненѣм. *smeidar* переводилъ

Daedalus. О немъ ходили и еще ходять мѣстныя преданія: кузница Веланда (Welandes Smidde) въ Беркширѣ упоминается въ хартіи X-го вѣка; и позднѣе еще показывали тамъ древнее каменное сооруженіе, гдѣ, будто-бы, жилъ невидимый ковачъ: три четвероугольно обтесанныхъ камня, въ 4-5 футовъ ширины, поставленныхъ сторчкомъ, на нихъ положена каменная плита; два пути идутъ къ этой постройкѣ среди рядовъ большихъ, вертикально поставленныхъ камней. По другому, англійскому же преданію, восходящему къ XII вѣку, мастерская Веланда была въ Зигенѣ, въ Вестфалии, гдѣ сказаніе о Wedekind'ѣ сохранило, быть можетъ, память о Widege, Witege (сѣв. Vidga), эпическомъ сынѣ Веланда и, косвенно, о немъ самомъ; въ одной мѣстной легендѣ Wedekind (Wekind) является съ типомъ возвращающагося императора: онъ сидитъ въ холмѣ и ждетъ урочнаго времени, чтобы снова явиться на Божій свѣтъ. Welantes gruoba, domus Welandi fabri встрѣчаются въ старыхъ нѣмецкихъ

записяхъ, *Wielandstein* въ современныхъ преданіяхъ. Въ Саксонскомъ лѣсу разказываютъ о чудесномъ ковачѣ *Meland'ъ* или *Ammeland'ъ*=Виландѣ; въ Швеціи, въ Верендѣ, на островѣ озера *Alltorp*, стоитъ скала, которую народа заветъ *Verlehall*: тамъ была кузня *Verland'a*; жители *Velandsherrad* въ Шоненѣ ведутъ названіе своей мѣстности отъ Веланда, указываютъ на большіе камни, гдѣ была его могила; иные говорятъ, что *Verland* похороненъ въ *Bellev (Wellew)* Бу въ Ютландіи, гдѣ будто-бы имъ построена и церковь и т. д. Слѣдующее шведское преданіе интересно своимъ совпаденіемъ съ географіей прозаическаго введенія въ пѣсню Эдды о Вёлундѣ: онъ и его братья пришли въ Волчью долину (*i Ulf dali*), гдѣ Вёлундъ и остается (*i Ulf dolum*), когда братья удалились на поиски жень. Въ *Smäland'ъ*, на островѣ *Gätmarn*, есть островокъ *Silfverholmen*, въ той-же мѣстности, въ долинь, лежитъ деревня *Ulfvedal*, отъ которой часть прихода носить названіе *Ulfvedalsgränd*, проселочная дорога -

Ulfvedalsvägen; у озера дворъ Vällehorfva, мостъ черезъ потокъ, протекающій мимо, завется Verlebro. Говорятъ, что въ старое время у того озера жилъ знаменитый ковачъ Silfvernagel, достававшій золото въ горъ, гдѣ оно лежало цѣлыми **полосами**.

Не сложилось ли это мѣстное преданіе уже подъ воздѣйствіемъ пѣсни или сказанія о Веландѣ, какъ другія сѣверныя могли быть навѣяны сагой о Тидрекѣ? Чаше всего они привязываются къ имени сына Веланда. Видрика (сѣв. Vidga, англос. Vudga, нѣм. Witege), которому въ Вестфалии отвѣчаетъ Wekind.

Въ средніе вѣка излюблены были изображенія лабиринта въ церковныхъ мозаикахъ и миниатюрахъ рукописей; онѣ толковались символически, но отвѣчали и просто цѣлямъ забавы и остроумія. Ихъ называли: domus Dedali, urbs Jericho, Chemin de Jerusalem. Едва ли можно сомнѣваться въ ихъ литературномъ происхожденіи. Иное дѣло лабиринтообразныя сооруженія, часто встрѣчающіяся на сѣверѣ; не стоятъ-ли они

въ какой-нибудь связи съ особымъ типомъ могиль, встрѣчающихся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, характерною чертою которыхъ являются правильныя фигуры, по большей части, въ видѣ круговъ, пятиугольниковъ, сдѣланныя изъ валуновъ или изъ огромныхъ торчмя стоящихъ каменныхъ **плитъ**? Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Норвегіи и на Готландѣ подобныя сооруженія называются Троей: Trojeborg, Träburg; въ Исландіи такія изображенія и постройки носятъ названіе: «дома Вёлунда», Volundarhus; при одномъ изъ такихъ изображеній пересказана въ стилѣ; сказки, и съ ея пониманіемъ, легенда о Тезеѣ и лабиринтѣ. Volundarhus и domus Dedali невольно манятъ къ сопоставленію, тѣмъ болѣе, что въ разказѣ о Веландѣ, какъ онъ передается въ сагѣ о Тидрекѣ, есть мотивы сказанія о Дедалѣ (крылья и др.). Уже Деспингъ и недавно Шрадеръ предположили прямое перенесеніе классическаго преданія на сѣверъ, Бугге - воздѣйствіе перваго на германское. Я не касаюсь далѣе этого

вопроса, какъ и миѳологическаго объясненія Велунда въ связи индоевропейскихъ повѣрій. Меня интересуетъ въ данномъ случаѣ частный, этническій вопросъ.

В. Гриммъ объяснялъ имя Weland'a какъ Wialand, der Betruger; Я. Гриммъ выставилъ этимологию отъ сѣв. *vel=ars, tescn*; предполагаемое англ. *vēlan*, старовѣрнѣм, *wielan* дало бы причастную форму: *Wialant, Wielant*. Фёрстеманъ искалъ въ основѣ англосакс. *viola, veola, vela: Schatz, Reichthum*; англос. *viljan, veljan: copulare* (можетъ быть, и *fabrefacere*). Расманъ сближалъ *Volundr* съ сѣвернымъ обозначеніемъ знахарки, вѣщуньи: *volva*; въ одномъ исландскомъ толкованіи *Sigrdrifumal* говорится: какъ тотъ, кто хорошо куетъ и плавить, зовется *Voluudr*; такъ *volva*'ой зовется та, кто хорошо предсказываетъ. К. Мейеръ, исходя изъ сѣв. *Volundr*, указываетъ на санскр. корень *jval: свѣтить, горѣть*, индоевр. *gval*; оттуда *Volundr'* изъ *Val==undr, Walandus, Galans*; формы *Veland* и др. были бы

искаженіемъ подѣ вліяніемъ новой этимологіи: англос. *vela, veola, viola*: сокровище, кладь. Конр. Гофманъ также избралъ точкой отправленія сѣв. *Volundr* изъ *Valundr* по извѣстному закону перегласовки, но предполагаетъ въ основѣ финск. *walata*=лить, лить металлъ; *Volundr* былъ бы литейщикъ, кузнецъ. - Вильгельмъ Мюллеръ развилъ этотъ взглядъ, распространивъ его на вопросъ о происхожденіи всего сказанія: оно - финское, *Volundr*-параллель къ Ильмаринену Калевалы, мотивы сѣвернаго преданія о первомъ встрѣчаются въ финскихъ сказкахъ; самъ *Volundr* зовется сыномъ финскаго короля; его дѣдъ *Wilcinus* царить въ странахъ съ финскимъ населеніемъ (сл. мнѣніе Гольтгаузена, выше, стр. 236). - Е. Н. Meyer протестуетъ противъ включенія этого этническаго элемента въ понятіе Вильтиналанда; основною формою имени представляется ему сакс. *VSländ*, въ связи съ сѣв. *vel. viel*: художество, обманъ, художественное произведеніе; англос. *vSl, vâl*:

художественное украшеніе, подѣлка. Когда нѣмецкая сага о Веландѣ перешла на сѣверъ, имя вѣщаго ковача измѣнилось подѣ народнымъ воздѣйствіемъ сѣверныхъ вѣщицъ, volur; оттуда Volundr; на сѣверѣ же онъ явился и финномъ, потому что тамъ именно финны слыли за знахарей. Когда норманны перенесли имя Volund'a во Францію, глухая гласная корня изменилась согласно съ французскою фонетикой (?), суффиксъ-und уступилъ мѣсто популярному-and, и получились имена: Galant, Walandus. Подтвержденіе своего построенія авторъ находитъ въ сагѣ о Тидрекѣ гл. 69-я: Velent.... er Vaeringiar kalla Volund: Велентъ... котораго варяги зовутъ Вёлундомъ (за его искусство, fyrir hagleiks sakar, добавляетъ къ той же формулѣ гл. 194); сл. далѣе къ той же главѣ: Велентъ такъ прославился на сѣверѣ, что лучшею похвалою искусному мастеру было сказать о немъ: онъ Вёлундъ по искусству (Velent er sva fraegr... at sa er Volundr at hagleik er gort hefir). Но именно это показаніе позволяетъ сдѣлать и другой

выводъ, еще не исключаящій финскаго происхожденія сказанія; откуда бы оно ни пошло, оно могло проникнуть на сѣверъ въ формѣ Volundr изъ Valundr и уже упрочиться тамъ и даже обобщиться. когда позже туда же пришли сходныя ниже-нѣмецкія пѣсни, легшія въ основу саги о Тидрекѣ, съ ниже-нѣмецкою формой Веландъ. Составителю саги тождество сказаній о томъ и другомъ было ясно, и онъ вправѣ былъ выразиться: Велентъ, что у насъ извѣстенъ подъ именемъ **Вёлундъ**. Съ предположеніемъ, что последняя форма сложилась подъ вліяніемъ volur, не согласить ни Valint'a фарейскихъ пѣсенъ, примыкающихъ къ сѣвернымъ сказаніямъ. ни Galant'a, занесеннаго во Францію норманнами. Наконецъ и ниже-нѣмецкое Weland могло въ свою очередь явиться результатомъ измѣненій изъ Valand подъ вліяніемъ vel и т. п.

Гольтеръ, развивая идеи Бугге, что Volundr = Vulcanus и, предполагая въ основѣ саги классическій миѳъ, выходитъ изъ противорѣчій Веланда и Валанда другимъ

путемъ. Обѣ формы имени, какъ и самое сказаніе, сложились у франковъ въ VI вѣкѣ: Веландъ - съ значеніемъ Daedalus, хитраго мастера, знахаря (съ обычною этимологіей отъ vel; Weland-причастная форма); Валандъ, въ сущности, приуроченіе имени Вулкана при посредствѣ старой этимологіи: Vulcanus = Volicanus, per aërem volans, осмысленное въ примѣненіи къ корню wal: Tod, Verderben. Веландъ-Валандъ=Daedalus-Vulcanus; сѣверное сказаніе - контаминація двухъ классическихъ, совершившаяся на франкской почвѣ. Дальнѣйшее движеніе обоихъ именъ изъ франкской прародины было различное, случайно-капризное: Веландъ перешель въ Англію (въ VII вѣкѣ), Валандъ остался во Франціи въ формѣ Galant и проникъ отсюда на сѣверъ, вѣроятно въ Исландію, а оттуда въ Норвегію; измѣненіе Валанда въ Volund'a объясняется аналогією съ сѣверными именами собственными, вродѣ Qnundr. Пѣсня Эдды о Вёлундѣ сложилась въ Исландіи въ IX-X вѣкахъ, передатчиками

были нормандскіе викинги изъ Франціи. Гольтеръ предвидитъ возраженіе, что французскіе норманны, выходцы изъ Даніи, поселились въ забранномъ краѣ, и нѣтъ свидѣтельства объ ихъ дальнѣйшихъ походахъ; но насъ успокоиваютъ увѣреніемъ, что для передачи саги и не нужно массоваго передвиженія, достаточно для того одного корабля, одного челобѣка. Съ этимъ можно было бы согласиться, если бы все построеніе генеалогіи съ ея двойственнымъ теченіемъ не отзывалось некоторою искусственностью и не требовало дополненій. Перегласовка Валанда въ Volund'a, совершившаяся на сѣверѣ, оставляетъ открытымъ вопросъ о Valint, Wallafld фарейскихъ и датскихъ пѣсень. Остановились ли они на полупути между франкскою и сѣверною формой имени?

Schäsk, принимая въ цѣломъ теорію Гольтера, несогласенъ съ нами въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Такъ ему представляется невѣроятнымъ, чтобы Weland и Waland, обозначающій одно и то

же лицо, были этимологически разнаго происхожденія; вліяніе миѳовъ о Деданѣ и Вулканѣ совершилось не на франкской, а на поздней классической почвѣ: миѳу о Дедалѣ принадлежит Nidudr=злбный - это переводъ Minos'a, понятаго, какъ mīnax; изъ сказанія о Вулканѣ взята дочь Нидуда, изнасилованная Вёлундомъ; судя по имени, она воинственная (Vodvildr отъ vod и hildr): это Минерва, на которую посягнулъ **Гефестъ и т. д.**

Symons также обходитъ вопросъ о формахъ имени съ а, ограничиваясь заключеніемъ, что Galans могъ быть занесенъ во Францію норманнами, и въ то же время утверждая, что въ основѣ сѣв. Voluudr или Vëlundr лежитъ ниже-нѣмецкое или англо-сакс. Velundr, причастная форма отъ утраченнаго глагола, не имѣющаго ничего общаго съ сѣв. vel (*wtlha-); Volundr (съ долгой гласной на основаніи метрическихъ соображеній), а не Volundr; первое вышло изъ Weland по перегласовкѣ е въ **передь** l.

Обзоръ предложенныхъ этимологій не привелъ къ прочнымъ результатамъ; вѣроятно частичное воздѣйствіе мѣа о Дедалѣ на легенду о Веландѣ, какъ она отразилась въ сагѣ о Тидрекѣ; но это не рѣшаетъ вопроса объ ея происхожденіи. Попробуемъ поискать рѣшенія на иномъ пути.

II.

Веландъ, Вёлундъ-кузнецъ, знахарь; съ его именемъ соединяются постройки, лабиринты, камень-могила, гдѣ онъ пребываетъ. Въ Volundarkvida'ѣ онъ сынъ финскаго короля; я сомнѣваюсь, чтобы царство его дѣда Вильтина простиралось и на Финляндію въ нынѣшнемъ пониманіи этого термина. Гольтгаузенъ заключаетъ это изъ саги о Тидрекѣ по пергаменному списку гл. 25: русскій король Гертнитъ, собираясь въ походъ въ страну Вильтиновъ, ѣдетъ изъ Новгорода ко сѣверу; но въ дублетѣ того же разказа, помѣщенномъ въ томъ же спискѣ, указанія на сѣверъ нѣтъ; съ другой стороны въ главѣ 23-й разказывается о поѣздкѣ короля Вильтина моремъ на

востокъ (Austrwegr); на пути онъ спознался съ морской дѣвой, и плодомъ этого союза былъ Vadi, отецъ Volund'a; пергаменный списокъ саги приурочиваетъ этотъ эпизодъ къ Ruszialand. Если Ruszialand (съ Новгородомъ) и Wllkinaland раздѣлены моремъ. то вѣроятнѣе мнѣніе Сторма, что по воззренію составителя саги Вильтиналандъ обнимала, кромѣ Швеціи и Даніи, еще вендскія земли между Эльбой и **Одеромъ** ; я полагаю, что она простиралась и далѣе къ востоку по балтійскому побережью и внутрь по теченію Двины.

Вильцинъ, Вильциналандъ (Wilkinus, Wilkinaland въ старошведскомъ переводѣ), или Вильтинъ, Вильтиналандъ, какъ значится въ спискахъ А и В саги о Тидрекѣ? Я считаю болѣе древнимъ второе: Wiltinus-латинскій эпонимъ Вельтовъ, какъ Wisinnus у Саксона Грамматика (кн. VI), котораго Старкадъ убилъ въ Россіи, эпонимъ **Веси**. Народъ Вельтовъ упоминаетъ уже Птолемей (1. III, с. 5: Oueltai); **Шафарикъ** опредѣлилъ ихъ

древнія осѣдлости на прусскомъ поморѣ между устьемъ Вислы и Нѣмана или Виндавы; **Мюлленгофъ** между Мемелемъ и Западной Двиной. Спустя нѣсколько столѣтій (съ 798 г. по 1157) мы встрѣчаемъ народъ велетовъ, велетабовъ или вильтовъ, вильцевъ, западнѣе на томъ же балтійскомъ побережѣ, между рѣками Варной и Одеромъ и Гавелемъ (отъ средняго теченія Эльбы и Одера до **Рюгена**); предположеніе **Шафарика** о распространеніи ихъ и далѣе въ Нидерланды, Фризію и Англию, болѣе, чѣмъ сомнительно; интереснѣе страна **Velida**, упоминаемая Лукой Давидомъ, которую авторъ ищетъ у устьевъ **Одера**, какъ ищетъ остатковъ птолемеевскихъ Вельтовъ въ **Самландѣ**. Если Волинъ принадлежалъ велетамъ, то названіе его главнаго города, **Walzburg**, указываетъ еще на другую форму имени: Вельты (Велеты, Вильты и, съ верхне-нѣмецкой перегласовкой: Вильцы) и **Вальты**; несомнѣнной кажется мнѣ въ этой связи поправка **Шафарика** къ тексту **Саксона**

Грамматика: Старкадь сражаетъ въ Польшѣ, на поединкѣ, бойца, quem nostri Wasce (читай: Walce). Tentones vero diverso literarum schemate Wilcze **nominant**).

Эйнгардь, впервые упоминающій этихъ позднихъ Велетабовъ-Вильцевъ въ числѣ народовъ славянскаго и айстскаго (литовскаго) племень на южномъ берегу **Балтійскаго моря**, называетъ ихъ славянами, что подтверждается именами ихъ князей (Драговить, Любый, Милогость, Цѣлодрагъ). Очень вѣроятно, что на нихъ перешло названіе птолемеевскихъ Вельтовъ, народа айстскаго **племени**, подобно тому, какъ финское племенное названіе Куровъ перенесено было на **Леттовъ**. Предположить-ли здѣсь смѣшеніе народностей, какъ позднѣе, къ началу XIII вѣка, айстское населеніе смѣшалось съ финскими элементами въ южной Эстляндіи и Курляндіи - древней осѣдлости **Вельтовъ**? Обнимало-ли когда-нибудь названіе вельтовъ и племена финскаго происхожденія? Я ставлю этотъ

вопросъ въ виду широкаго распространенія нѣкоторыхъ мѣстныхъ легендъ не только въ Россіи, но и въ Сибири. Вельтамъ (Велетамъ, Вильтамъ)-Вальтамъ отвѣчаютъ здѣсь парныя формы: *Волтъ и *Велтъ, въ значеніи исполина, *gigas*; влатъ, встрѣчающееся въ одномъ русскомъ памятникѣ («подобни соуще величиемъ къ влатомъ» *-gigasi*) - церковнославянская перегласовка имени, сохранившагося въ древне- и ново-великорусскомъ въ формѣ волоть: гигантъ, исполинъ: «чюдове (штоудъ-*gigaz*) рекше волотове»; «гиганте то суть волотове ѿ сажень в верхъ». Я допустилъ для Стиха о Голубиной книгѣ, согласно съ его литературнымъ составомъ, воздѣйствіе имени Птолемея на Волотомона, Волонтомана, Молотомина, какъ зовется иногда совопросникъ Давида; но варьянтъ: Волоть (Волотовичъ), вѣроятно, привязывается къ волоту-щуду. Въ малор. волоту отвѣчаетъ-велеть, велеть, вельтъ, вельтень. То и другое отразилось въ цѣломъ рядѣ названій урочищъ: Волотово, Велетовъ, Волотя,

Велетя и т. п.; отмѣтимъ: Волотова могила ниже Лебедяни на устьѣ Мечи (кн. Большаго Чертежа), Волотово Городище между рѣками Деньгой и Восмой въ Лопскомъ краѣ на сѣверѣ; Волотово городище въ Сибири за Тазомъ (кн. Большаго Чертежа); Волотово поле подъ Новгородомъ на берегу Волхова, гдѣ стоялъ прежде Спасскій монастырь и находилось кладбище новгородскихъ богатырей и могила Гостомысла. - Въ Бѣлоруссіи, въ окрестностяхъ Полоцка и Витебска волотовками, волотками называли могилы; въ бѣлорусскомъ преданіи волоты-исполины. Е. Р. Романовъ, которому я обязанъ слѣдующими сообщеніями, не слыхалъ въ указанныхъ мѣстностяхъ преданій о волотахъ и волотовкахъ; названіе могильныхъ насыпей волотовками замѣнено здѣсь другими: сопки, курганы, чаще всего копцы, но названіе урочищъ волотовками свидѣтельствуеетъ о существованіи нынѣ исчезнувшихъ могилъ. Вотъ нѣсколько указаній изъ документовъ, помѣщенныхъ въ «Историко-юридическихъ

матеріалахъ Витебскаго центрального архива»: «Недалеко отъ мѣста (Витебска) первое поле, идучи отъ Острое могилы, назвискомъ Матслытское, з волотовкою» (1592 г.); «полянку, лежащую на поляхъ задунайскихъ (Дунай-ручей въ Витебскѣ) подлѣ волотовокъ» (1593 г.); «съ того мху у волотовки, у могильника и со крестъ каменный» (1596 г.); «огородъ водле того пляцу лешачый подле волотовокъ» (1634 г.); «грунтъ у волотовкахъ кончится у мохъ татарскій» (1623 г.) «отъ тое сосны у волотовку межи купелищъ, отъ тое волотовъки у другую волотовъку» (1615 г.); «s kopcu w brzoze rubleзна, między wolotowek» (1697 г.) и др. Е. Р. Романовъ указываетъ, по тѣмъ-же актамъ, на имѣніе Wielatowka «въ повеже Полоцкомъ»; «съ Тулова до Велидичъ» (близъ Витебска, 1627 г.); урочище Волотовка въ предмѣстьѣ Витебска - и на деревню Волотовки въ Городенскомъ уѣздѣ Витебской губерніи, при которой находится группа кургановъ. Въ Полоцкомъ уѣздѣ сюда относится цѣлый рядъ мѣстныхъ названій: деревни

Волотова (Юрьевичской волости),
Волотовки (Вознесенской волости), имѣніе
Волотовки (Евфросиньевской волости);
деревня Волотовки Струнской волости,
тамъ же дер. Волотовное, Волотневъ и рѣка
Волотовка, притокъ Оболи, по которой
шелъ путь «изъ варягъ въ греки»; въ
Туровьянской волости, ниже Полоцка, на
Двинѣ, по дорогѣ къ Смоленску: деревни
Велетовка, пашни Велетовскія 1-ыя, пашни
Велетовскія 2-я; общество Велетовское.

Важны воспоминанія Е. Р. Романова о
легендахъ, соединенныхъ съ именемъ
волотовъ: «На моей родинѣ, въ Гомелѣ, я
слышалъ въ дѣтствѣ смутное преданіе о
томъ, что въ Волотовѣ (погостъ въ 2-хъ
верстахъ отъ Гомеля) жили въ старицу
богатыри; что съ переходомъ Гомеля къ
Румянцеву (въ 1772 г.) богатыри исчезли,
но отъ времени до времени являлись
избраннымъ счастливымъ и послѣ того.
Послѣднее явленіе было мѣщанкѣ Василисѣ
Ефремовой въ 1867-9-хъ годахъ, тамъ-же, у
Волотова, въ саду; по ея разказу, который
я самъ слышалъ, будучи 12-13 лѣтъ,

богатырь былъ очень высокаго роста, одѣтъ въ дорогія одежды (шелка да бархаты) и поразилъ Василису необыкновенною красотою лица. Онъ былъ безъ оружія, съ Василисой не говорилъ, но и вреда ей не сдѣлалъ; она видѣла въ этомъ для себя предвѣстіе необыкновеннаго счастья. Тамъ же въ 1877 году я слышалъ преданіе объ урочищѣ Гетьманкѣ, находящемся при с. Романовичахъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Волотовы. Въ этомъ мѣстѣ «за Шведомъ» (1708 г.) была убита Гетьманка: она ѣхала на лошади по мужски и въ полномъ вооруженіи по лѣсу; мужикъ, бывшій въ лѣсу, увидѣлъ ее издалека и отъ страха влѣзъ на дерево; Гетьманка не замѣтила его и остановилась на отдыхъ, слѣзла съ коня, сняла оружіе, раздѣлась и легла спать; мужикъ, увидя, что это женщина, далъ ей заснуть и потомъ убилъ, сонную; она также была большаго роста и вся въ золотѣ». Возможно сближеніе съ извѣстною татаркой Заблудова Гродненской губерніи.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ также находится множество кургановъ, слывущихъ у бѣлоруссовъ подъ названіемъ волоточекъ и отличающихся своею огромностью отъ литовскихъ кургановъ. Жители полагаютъ, что это насыпи, служившія для наблюденія за непріателемъ. Г. Вильчинскій разрыль нѣсколько десятковъ такихъ насыпей близъ города Ушачь, извѣстнаго уже въ древности своею торговлею съ Литвою и Кіевомъ; по предположенію изслѣдователя, бѣлорусскія волоточки могли служить кладбищемъ древнихъ жителей, которые сперва жгли своихъ покойниковъ, а потомъ тутъ-же и хоронили.

Я не безъ умысла остановился именно на бѣлорусскихъ преданіяхъ о волотахъ въ виду нѣкоторыхъ соображеній, которыя еще представятся намъ. Но преданія эти распространены и далѣе: около Вологды и Кубенскаго озера волоты-народъ, почитавшій волотовъ, т. е. великановъ, и теперь уже не существующій; въ Сибири говорятъ, что цѣлый народъ волоты ушли въ землю. Сходны разказы о велитахъ,

велитняхъ въ Малороссіи (=древнерусс. *вельть, *вельтьнь): они, будто бы, существовали до потопа, и про нихъ ходитъ широко-распространенная сказка о юношѣ-великанѣ, встрѣтившемъ въ полѣ ратая съ плугомъ и волами и принесшемъ отцу эту крохотную невидаль - образчикъ будущаго, мелкаго человѣческаго рода. «Десь у церкви, у Кієви чи у Львові, стоить тамъ нога з ідного велетня, и така, кажуть, прездорова, что ажъ до бані (купола) сягае», какъ и въ Великороссіи народъ видитъ въ костяхъ допотопныхъ животныхъ-волотовы кости. Сл. еще волотову кость въ слѣдующемъ заклинаніи. «Встану я..., пойду мимо волотовы кости могилы. Какъ волотовы кости не трохнуть, не гнутся, такъ бы у меня, р. б., фирсь не гнулся».

Не безъинтересно, что на сѣвѣрѣ и востокѣ Россіи (въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ, у зырянъ, въ Олонецкомъ и Вологодскомъ краѣ, въ Лапландіи) и въ Сибири существуютъ аналогичныя преданія о Чуди, вымершемъ народѣ, также ушедшемъ подѣ

землю. Чудью звали у насъ въ старину вепсовъ и эстовъ; въ лопарскихъ преданіяхъ это имя охватило и кореловъ и русскихъ и шведовъ; лопарскимъ или чудскимъ курганамъ Лапландіи и Кареліи отвѣчаютъ въ Вологодской губерніи, знающей и волотовъ, и **чудскія могилы**.

Чередуются ли эти преданія съ преданіями о волотахъ, совпадаютъ-ли съ ними, - на это я не умѣю отвѣтить; если, какъ я предположилъ выше, названіе плотемеевскихъ (айстскихъ) вельтовъ перешло на балтійскихъ славянъ, то можно допустить, что на перепутьи оно могло пристать и къ какому-нибудь финскому племени.

Итакъ: волоты, велетни-великаны, исчезнушіе, ушедшіе подъ землю. О Велетабахъ-Вильцахъ разказывали, какъ о чудищахъ, свирѣпыхъ, пожирающихъ своихъ родичей, рожденныхъ въ странѣ мрака; недаромъ Dietrichs Flucht обвиняетъ Эрмриха (=Эрманариха) за то, что онъ съ коварнымъ умысломъ послалъ своего сына Фридриха въ землю Вильцевъ (сл. сагу о

Тидрекѣ гл. 278: Villcinaborg). Куда они дѣлись? - чѣмъ интересовались въ XIII вѣкѣ, когда Марнеръ принимался пѣть: одинъ хочетъ послушать о томъ, другой о другомъ:

Der dritte wil der Riuzen sturm
Dem sechsten tete baz
War komen si der Wilzen **diet**.

Вопросъ, могущій возбудить недоумѣніе: была-ли о томъ особая сага - или Вильцы исчезли, ушли въ землю, какъ наши волоты?

Перейдемъ еще разъ къ Вильтину саги о Тидрекѣ. Какъ бы ни составила его генеологія. вошедшіе въ нее великаны, Вади-Wate, Vidga-Witege и сыновья Нордіана позволяютъ спросить: не есть-ли Вильтинѣ не только эпонимъ вельтовъ, но и исполинъ, велетень, волоть русскаго преданія?

Сага о Тидрекѣ, составленная въ половинѣ XIII вѣка, сохранилась въ неполной пергаменной рукописи второй половины того-же столѣтія, въ двухъ исландскихъ спискахъ XVII вѣка, отрывкѣ одной рукописи Стокгольмской бібліотеки и, наконецъ, въ шведскомъ переводѣ XV вѣка. Работы Унгера, Сторма, Трейтлера и **Клокгофа** разъяснили составъ древнѣйшаго дошедшаго до насъ текста, съ двумя смѣнившими другъ друга редакторами при пяти переписчикахъ, чѣмъ объясняются нѣкоторыя противорѣчія и даже повторенія цѣлыхъ эпизодовъ; Клокгофъ, въ противорѣчій съ Унгеромъ, вмѣняетъ тѣ и другія уже оригиналу саги. Ея задачей было собрать вокругъ Тидрека и его витязей «сказанія о Сигурдѣ, убійцѣ Фафни, Нифлунгахъ, Вильтинахъ, Русскихъ, Гуннахъ и многихъ другихъ конунгахъ и витязяхъ»; сѣверные люди знали часть этихъ преданій: «о Сигурдѣ, убійцѣ Фафни, о Вельсунгахъ и Нифлунгахъ и ковачѣ Велентѣ и его братѣ Эгилѣ и королѣ Нидунгѣ»; но главнымъ

матеріаломъ явились разказы-пѣсни «нѣмецкихъ людей», извѣстныя «по всей Саксоніи», въ Соэстѣ, Бременѣ и **Мюнстерѣ**. Эти разказы-пѣсни могли быть и южно-германскаго происхожденія, но они успѣли освоиться на нижне-нѣмецкой почвѣ, примѣниться къ ея географіи, что опредѣляло отчасти и географическое міросозерцаніе саги. Ея Аттила царитъ не въ Венгріи, а въ Саксоніи, именно въ Соэстѣ: Susat, Susit арабскаго географа IX вѣка, Жижать = Жать торговаго договора между Смоленскомъ, Ригою и **Готландскимъ берегомъ**; преданіе саги о змѣиной башнѣ въ Соэстѣ сохранялось тамъ до XVI вѣка. Въ царствѣ Аттилы находится и Брандинаборгъ-Бранденбургъ (гл. 291). Согласно съ этимъ представленіемъ о Гуналандѣ опредѣляется и положеніе области Нифлунговъ. къ западу, на Рейнѣ; къ востоку отъ царства Гунновъ - Польша, за ней Русь, къ сѣверу страна Вильтиновъ, границы которой мы пытались опредѣлить **выше**. Страна вильтиновъ и гунновъ, Русь и Польша -

вотъ арена, на которой развертывается дѣйствіе саги, посвященное вильтинамъ и русскимъ. И здѣсь составитель саги могъ руководиться ниже-нѣмецкими пѣснями-разказами; они могли быть мѣстнаго происхожденія, навѣяны мѣстными, историческими или эпическими сказаніями, но къ нимъ приурочились, по аналогіи и смѣшенію, и болѣе древнія, захожія. Изслѣдователю саги трудно разобратъся въ этой амальгамѣ, рѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, совершилась-ли она на почвѣ ниже-нѣмецкаго преданія или уже въ составѣ саги, различить въ послѣдней моменты нижненѣмецкаго или сѣвернаго приуроченія. Въ слѣдующемъ я не даю рѣшенія этихъ вопросовъ, а лишь указываю на направленіе, въ которомъ. кажется мнѣ, слѣдуетъ его искать.

Король Гертнить (и его братъ Hirdir; въ старо-шведскомъ переводѣ вм. Hertnit - Herding, Herdink) царить надъ Русиландомъ, большею частью Греціи и Венгріи и почти надъ всѣмъ востокомъ (Austrriki). Вильтинъ побѣждаетъ

русскихъ. опустошаетъ Польшу (Pulinaland) и всѣ земли до моря, и овладѣвъ крѣпкими городами Смоленскомъ (Smalenzkia, Smalencium, Smaliska, Smaland) и Полоцкомъ (Palteskia; одна рукопись прибавляетъ и **Кіи=Кіевъ**), вѣзжаетъ въ столицу Гертнита, Holmgard-Новгородъ (гл. 22; въ старо-шведскомъ переводѣ: Nogard).

Остановимся на одной подробности этого разказа (гл. 22). О Вильтинѣ говорится, что онъ побѣдилъ русскихъ, опустошилъ Польшу и всѣ земли до моря, allt oeydir hann ut til hafs all piodlaend, что можно перевести этимологически вѣрно: всю Чудь, всѣ земли Чуди. Во всякомъ случаѣ эти piodlaend надо отличать отъ piodi = Ютландіи, гдѣ по гл. 62 царить Нидунгъ (raedr fyrir Intlandi par sem piodi heitir); сѣверо-западная оконечность Ютландіи и теперь зовется Thy. - Направление похода Вильтина не указываетъ на Ютландію, которой онъ безъ того владѣетъ (сл. гл. 21); но, очевидно, значеніе piodlaend въ связи 22-й главы было забыто, иначе не

объяснить варианты рукописей А и В, замѣнившихъ *riodlaend* Зеландіей, *Sialand*. У Вильтина два сына: Нордіанъ и знакомый намъ Вади. По смерти Вильтина воцаряется Нордіанъ, Гертнить идетъ на него войною и не только освобождается отъ зависимости, но и подчиняетъ своей власти врага: Нордіану предоставленъ одинъ *Sviprod* (или *Sialand* гл. 25), а страна Вильтиновъ переходитъ къ Гертниту и позже къ его сыну Озантриксу; другому сыну, Вальдемару, Гертнить отдалъ Русиландъ, Пулиналандъ (шведск. перев. *Pollerna land*) и всю восточную половину своего царства; третьяго, Илью, *Iljas*, сдѣлалъ ярломъ Греціи (гл. 26; шведск. пер.: *Iljas glorde ban til greffere oc gaf hanum grekana land; Iljas aff Greken*). Озантриксъ женится на Одѣ, дочери короля гунновъ Миліаса, которую увозитъ (гл. 29 и слѣд.); когда по смерти Миліаса Атилла завладѣваетъ его царствомъ, которое должно было перейти къ Озантриксу, какъ его зятю, и потомъ похищаетъ его дочь Эрку (гл. 39-56), это даетъ поводъ къ безконечнымъ войнамъ

между нимъ и королемъ Вильтиновъ (гл. 134 слѣд., гл. 291-292). По смерти Озантрикса надъ Вильтинами воцаряется его сынъ Гертнить (гл. 292); Вальдемаръ владѣетъ Гольмгардомъ (гл. 293, слѣд. гл. 56: Русью), но въ его владѣніяхъ оказываются и Полоцкъ и Смоленскъ (гл. 310, 312); войны съ Атилой продолжаются, сынъ Вальдемара, Тидрекъ, взятъ въ плѣнъ, его бѣгство и смерть отъ руки Тидрека Бернскаго даютъ поводъ къ цѣлому эпизоду саги (гл. 295 слѣд.), и война кончается подъ Полоцкомъ и Смоленскомъ: битва подъ послѣднимъ городомъ противъ войскъ Тидрека, союзника Атилы, описывается подробно, самъ Вальдемаръ убитъ, а Полоцкъ осаждаетъ Атила, громитъ его стѣнобитными орудіями (гл. 311); городъ былъ взятъ и разрушенъ и учинено такое «что и теперь могутъ видѣть приходящіе въ тотъ самый городъ», то-есть слѣды опустошенія (гл. 313). Братъ Вальдемара становится вассаломъ Атилы.

Какія историческія отношенія лежатъ въ основѣ этихъ сказаній о войнѣ вильтиновъ съ Русью, русскихъ и вильтиновъ съ гуннами? **Мюлленгофъ** предположилъ, что сага о Вильтинѣ, какъ эпонимѣ славянскихъ вильцевъ, сложилась среди саксовъ, вѣроятно, въ IX или X вѣкѣ. **Storm** подробно развиваетъ этотъ взглядъ: сказанія о Видьтинѣ и Вильтинахъ отражаютъ войны саксовъ съ вендами (вильцами и поляками) и датчанами начиная съ X вѣка. Разумѣется, вендскія племена между Эльбой и Одеромъ не составляли одного царства, тѣмъ менѣе соединены были съ Даніей, какъ представляетъ эта сага, но датчане въ союзѣ съ вендами часто воевали съ саксонскими королями и императорами, саксы пріучились смотрѣть на своихъ сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей-язычниковъ, какъ на прирожденныхъ враговъ, и въ ихъ пѣсняхъ они явились подъ однимъ общимъ именемъ. Стоитъ подставить на мѣсто Атилы Оттоновъ II и III и Генриха II, и историческая подкладка

саги будетъ ясна. Аттила вторгается въ страну вильтиновъ. Озантриксъ посылаетъ сказать о томъ въ Зеландъ своему вассалу Аспиліану, который разбить гуннами (гл. 45); оттуда Аттила идетъ на югъ, въ Ютландію, и побѣждаетъ Озантрикса въ лѣсу на границѣ Даніи и Гуналанда (гл. 46). Не напоминаетъ ли все это походъ Оттона II въ Ютландію противъ Гаральда Блотанда, союзника вендовъ, и бой подъ Даневирке (въ 975 году)? Долгое время спустя король вильтиновъ вторгается въ Гуналандъ, опустошаетъ страну, беретъ Брандинаборгъ, но Аттила и Тидрекъ отвоевываютъ городъ и подъ его стѣнами наносятъ пораженіе вильтинамъ, при чемъ убить Озантриксъ, Аттила потерялъ 500 витязей, Тидрекъ 50 (гл. 291 слѣд.). Стормъ сравниваетъ событіе 983 года: полупокоренные, полукрещеные вильцы поднялись противъ саксовъ, бросились на пограничные бурги и церкви, взяли Бранденбургъ, жителей котораго перебили или увели въ плѣнъ, но маркграфъ Дитрихъ съ другими маркграфами нанесли пораженіе врагамъ;

вильцы потеряли 3.000 человекъ, саксы всего трехъ. По смерти Озантрикса, Вальдемаръ, король Руси и Польши, вторгается въ землю гунновъ (гл. 293 слѣд.), Аттила переноситъ войну въ Польшу (въ сагѣ гл. 274: *i Ruziland; i riki Vilcinalannz oc Ruzilanz*), но разбитъ; Тидрекъ заключенъ непріятелями въ крѣпость, Аттила освобождаетъ его, и война кончается взятіемъ Полоцка, смертью подъ Смоленскомъ Вальдемара, братъ котораго покоряется побѣдителю. Весь этотъ разказъ отражаетъ, по мнѣнію Сторма, войны Генриха II, только въ сильно преувеличенномъ видѣ. Вальдемаръ - это современникъ Генриха II, Владимиръ Великій, но смѣшанный съ Болеславомъ польскимъ, который въ 1016 - 1018 годахъ былъ сюзереномъ Святополка, посаженнаго имъ на престолъ; оттого Вальдемаръ и является королемъ Руси и Польши. Этотъ Болеславъ-Вальдемаръ вель продолжительныя войны съ саксонскими королями (нѣмецкими императорами); правда, исторія не знаетъ громкихъ побѣдъ

Генриха II, даже послѣдній его походъ въ Польшу въ 1017 году, приготовившій изъявленіе покорности со стороны поляковъ (1018 г.), былъ неудаченъ и крѣпость Нѣмцы не могла быть взята; но все это забылось со временемъ, помнился лишь результатъ походовъ, и житіе Мейнверка, поправляя исторію, могло утверждать, что въ 1017 году Генрихъ покорилъ Польшу, Чехію и Моравію. Такъ какъ Болеславъ былъ въ то время польскимъ и русскимъ королемъ, то разказывалось впослѣдствіи, что саксонскій король (Аттила) покорилъ и Русь и Польшу, а русскій король палъ въ битвѣ съ нимъ подъ Смоленскомъ; Смоленскъ и Полоцкъ естественно подсказались какъ города, лежавшіе на ганзейскомъ пути. Эти то историко-поэтическія сказанія о походѣ саксовъ на восточныхъ славянъ смѣшались съ южной сагой объ Аттилѣ и Тидрекѣ, приурочившейся къ Саксоніи и здѣсь нашедшей дальнѣйшее развитіе; ничто не мѣшаетъ предположить, что сказанія эти здѣсь же нашли и свое

поэтическое выраженіе, скорѣе въ 1150-1250 годахъ, чѣмъ ранѣе.

Комментируя. «русскій» эпизодъ саги о Тидрекѣ, Стормъ становится на точку зрѣнія ея ниже-нѣмецкихъ эпическихъ источниковъ; нѣкоторыя изъ его сопоставленій (напримѣръ взятіе Бранденбурга въ 983 году и уравненіе Тидрека съ маркграфомъ Дитрихомъ) указываютъ на несомнѣнныя историческія воспоминанія; но его гипотеза Владимира-Болеслава не разъясняетъ, почему именно Владимиръ русскій выступаетъ въ качествѣ дѣйствующаго лица, почему Польша-Пулиналандъ является въ сагѣ на второмъ мѣстѣ сравнительно съ Русью, когда мы ожидали бы обратнаго - по связи съ Болеславомъ. Имя Владимира ждетъ объясненія изъ русскаго, южнаго или сѣвернаго преданія.

Иначе смотритъ на занимающій насъ эпизодъ саги **Гольтгаузенъ**. По его мнѣнію, ея составитель представилъ себѣ грандіозное царство Вильтина въ чертахъ историческихъ отношеній конца XII и

начала XIII столѣтія. Кнуть V, король датскій, принудилъ померанскаго герцога Болеслава къ изъявленію покорности, подчинилъ Оботритовъ, побѣдилъ въ 1191 году Эстовъ и Ливовъ и завоевалъ въ 1200 г. Дитмаршъ. Его преемникъ Вальдемаръ (съ 1202 года) занялъ Лауенбургъ и замки графа Адольфа по правому берегу Эльбы, не разъ побѣждалъ Эстовъ и до 20-хъ годовъ XIII вѣка властвовалъ надъ Мекленбургомъ, Помераніею, Шлезвигомъ, Рюгеномъ и славянскими и финскими племенами на югъ и востокъ отъ Балтійскаго моря до Финскаго залива.

Какъ видно, Гольтгаузенъ смотритъ на географическое и историческое пониманіе саги глазами ея сѣвернаго составителя, котораго могли интересовать сѣверныя, спеціально датскія отношенія. Я попытаюсь еще разъ стать на точку зрѣнія его источника, предполагаемыхъ ниже-нѣмецкихъ пѣсень и сказаній.

Уже съ 1159 года мы встрѣчаемъ нѣмцевъ на устьѣ Двины; въ 1181-1187 годахъ миссіонеръ Мейнгардъ является въ Ливонію

съ нѣмецкими купцами (cum comitatu mercatorum); когда въ 1210 г. жители Риги посылають къ Владимиру Полоцкому для переговоровъ о мирѣ, онъ, отпуская ихъ, даетъ имъ въ спутники мудраго и богатаго обывателя Смоленска, Лудольфа. который все устроить мирно и по правдѣ. Слова Всеволода Мстиславовича въ проектъ его договора. съ нѣмцами («какъ то было при моемъ оци, при Мъстиславѣ при Романовиці») указываютъ, что уже въ концѣ XII вѣка установились. извѣстныя сношенія между смольнянами и нѣмцами, которые съ 1229 года прочно водворяются въ Полоцкой и Витебской областяхъ; во второй половинѣ вѣка у нихъ было въ Смоленскѣ нѣсколько дворовъ, своя слобода и церковь. Пріѣзжали они на Русь съ торговыми цѣлями, но это вызывало общеніе и другаго рода: нѣмцы могли быть передатчиками на Руси скоихъ домашнихъ преданій и пѣсенъ; отъ. нихъ. вѣроятно, идетъ замѣтка о «поганомъ. зломъ Дедрикѣ» въ 1-й Новгородской лѣтописи (подъ 1203 годомъ); въ записи какого-то

Терещицы въ псалтыри Архангельской семинаріи говорится о конѣ Редрика, нѣмецкаго богатыря. Но передавая свое, нѣмцы могли въ свою очередь слышать на мѣстѣ) многое, что остается для насъ темнымъ или манить стилемъ преданія въ исторіи Полоцка в Смоленска, для которыхъ нѣтъ лѣтописей. Что мы знаемъ о Рогволодѣ? Подъ 1230 годомъ читаемъ загадочное извѣстіе о томъ, что «поточи Мьстиславъ Полотскій князь съ женами и с дѣтми въ Грѣкы (въ Царьградъ), еже приступиша хрестыное цѣлованіе» (отказавшись идти на половцевъ); при этомъ разказана со словъ людей «вѣдущихъ» (яко сказаша вѣдущіе) извѣстная легенда о Рогнѣдѣ съ такимъ заключеніемъ: «и оттолѣ мечъ взимають Рогволожи внуци противу ярославлимъ внукамъ». Рядъ эпическихъ преданій примкнулъ къ Всеславу Полоцкому (1044-1098), рожденному отъ волхвованія, съ «язвеномъ» на головѣ, вслѣдствіе чего онъ носилъ наузу и былъ жестокоставъ на кровопролитіе; что разказывается о немъ во

Словѣ о Полку Игоревѣ отзывается, сквозь ретику, стилемъ саги. Въ концѣ XII вѣка (въ 1186-1187 годахъ) хроника Генриха Латыша упоминаетъ неизвѣстнаго русскимъ лѣтописямъ полоцкаго князя Владимира, которому ливы язычники платили дань и который дозволилъ священнику, впоследствии епископу, Мейнгарду проповѣдывать христіанство и основать первую церковь въ Икскюль. Онъ зовется *Woldemarus de Plosceke, dux de Plosceke*, и въ постоянныхъ войнахъ съ нѣмцами; онъ собирався въ походъ противъ рижанъ, по вызову эстовъ, когда внезапно умеръ (1215 г.). Арнольдъ Любекскій, не называя его по имени, говоритъ о *rex Russiae de Plosceice*; это - точка зрѣнія саги о Тидрекѣ: Владимиръ царитъ въ Польшѣ и Руси, ему принадлежатъ Полоцкъ и Смоленскъ, эти города особенно выдвинуты въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ саги. Гипотеза Лыжина, что подъ Владимиромъ Полоцкимъ разумѣется Владимиръ Рюриковичъ, владѣвшій Смоленскомъ, не подтверждается показаніями нашихъ

лѣтописей, но несомнѣнна съ конца XII вѣка связь Смоленска съ Полоцкой землей, развившаяся въ началѣ слѣдующаго столѣтія въ протекторатъ перваго надъ послѣдней и кончившаяся въ 1222 г. взятіемъ Полоцка **смольнянами**.

Все это даетъ поводъ къ нѣкоторымъ предположеніямъ. Нѣмецкіе люди, захожіе въ Двинскую область, застали тамъ «великую сагу», *allmikill saga* (гл. 315), какія-то преданія о вильтинахъ, еще и теперь доживающія въ волотахъ мѣстныхъ легендъ; могли слышать и сказы-пѣсни о «старомъ» Владимирѣ и Ильѣ, заходившія вверхъ по долинѣ Днѣпра, черезъ «черныя грязи смоленскія», и «хоробру Литву». Еще въ XVI вѣкѣ помнили въ Бѣлоруссіи Илью Муромца и Соловья Будимировича: *bo prijdet czas, koli budiet nadobe Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowicza*, писалъ въ 1574 году изъ Орши староста Филонъ Кмита Чернобыльскій Остафью **Воловичу**; бѣлорусскія сказки объ Ильѣ, можетъ быть, послѣдніе, хотя и подновленные слѣды развитія прерваннаго

историческими отношеніями и смѣшеніемъ народностей. - Такія-то преданія застали въ Двинской области нѣмецкіе купцы или шпильманы и дали имъ окраску недавнихъ, мѣстныхъ событій, въ которыхъ Владимиръ Полоцкій, Полоцкъ и Смоленскъ стояли на первомъ мѣстѣ. Такъ получился разказъ о Вильтинѣ и вильтинахъ и ихъ борьбѣ съ Русью, которой также дали княжескую родословную; съ вымышленными или приуроченными именами - вотъ вопросъ. на которомъ слѣдуетъ остановиться.

IV.

Имя Озантрикса (нѣм. Oserich въ Biterolf'ѣ, отецъ Hclche=Erka, дочь Озантрикса) загадочно, но на него самого перенесено сказаніе, легшее въ основу старо-нѣмецкой поэмы: о брачной поѣздкѣ короля Ротера. Соотвѣтствующій эпизодъ съ именемъ Озантрикса дважды пересказанъ въ сагѣ (писцомъ-редакторомъ № 1, гл. 29-38, и № 3); къ Ротеру приходитъ на помощь подвластный ему

великанъ Asprihi съ такими же, какъ онъ, исполинами, между которыми особенно выдается Widolt; они явились изъ «земли незнаемой» (v. 631 zô eime unkundigen lande; v. 636: mit unkundiger diete); при Озантриксѣ тѣже великаны являются въ числѣ подначальныхъ ему вильтиновъ: **Aspilian**, Vidolf, Etgeir и Aventrod - сыновья Нордіана, самъ Озантриксъ выступаетъ въ роли Ротера. Средне-верхне-нѣм. Ruother, Ruther, Rôther указываетъ на готск. *hrôp, древне-верхне-нѣм. hruodi, сѣв. hrôdr, англосакс. bread, hroder. средне-верхне-нѣм. *ruot (греч. χρᾶτος):. слава, побѣда; отсюда цѣлый рядъ именъ: Hruodolf=Rudolf, Hruodgâr-Rüdiger; сѣв. Hrôdrekr и др. Нѣмецкіе пѣвцы, перенесшіе на Озантрикса сказаніе о Ротерѣ, уже приуроченное къ **Италіи**, могли руководиться и какимъ-нибудь соотвѣтствіемъ именъ: hruod = славъ: Свято-, Все-, Мстиславъ, Соловей Будимировичъ, то-есть, опять же - славичъ, какъ Озантриксъ =Rotheг-сынъ Hertnit'a, въ имени котораго я также попытаюсь

открыть корень *hruod*. Былина о Соловьѣ Будимировичѣ поеть о его брачной поѣздкѣ, какъ сага говоритъ о сватовствѣ Озантрикса-Ротера, нѣмецкая поэма о такой же брачной поѣздкѣ Ортнита-Нертмт'а совместно съ его дядей Ильей русскимъ. Мнѣ всегда казалось страннымъ, что въ воспоминаніяхъ Кмиты отразились лишь два былевыхъ образа, видимо не связанные другъ съ другомъ въ дошедшемъ до насъ пѣсенномъ преданіи: Илья и Соловей. Сохранился ли въ этомъ сочиненіи отзвукъ какой-нибудь древней пѣсенной схемы (*Ortnit* и *Iias*) - на это я отвѣтить не съумѣю.

Запутаннѣе вопросъ о Нертнит'ахъ; въ русской генеалогіи саги ихъ три: 1) Гертнить I, отецъ Озантрикса, уже извѣстный намъ по войнамъ съ Вильтиномъ и Нордіаномъ (гл. 22, 24-26; у него братъ *Hirdir* гл. 22).

2) Гертнить II, сынъ Озантрикса (гл. 292; 349-355; къ главѣ 350 вариантъ: племянникъ, противъ гл. 292; такъ и въ шведскомъ текстѣ, гдѣ имя Гертнита читается *Herdind*).

Разказывається о нашествіи на него короля Изунга изъ Бертангаланда (шведск. текстъ: *Bretania*); происходитъ смертный бой; жена Гертнита, *Ostacia* или *Ostancia*, дочь Руны, короля *Austriki*, заколдована была съ дѣтства своей матерью, знахаркой, и сама стала чаровницей; въ битвѣ съ Изунгомъ она участвуетъ лично, обернувшись дракономъ, съ полчищемъ такихъ же оборотней, - какъ о томъ поется въ нѣмецкихъ пѣсняхъ (гл. 352), Она проглатываетъ Изунга, но сама поражена старшимъ его сыномъ и умираетъ впоследствии. Все вражье войско перебито, самъ Гертнитъ оправился отъ тяжкихъ ранъ, еще долго правилъ царствомъ Вильтиновъ и совершилъ много подвиговъ, какъ разказано въ сагѣ о немъ, о которой здѣсь, впрочемъ, не упоминается (гл. 355).

- Шведская риѳмованная хроника, зависящая отъ шведскаго перевода саги о Тидрекѣ, представляетъ то отличіе, что и Гертнитъ умираетъ; онъ названъ сыномъ Гертнита, *Hertnit Hertnitson*.

3) Гертнить III, сынъ Ильи (гл 31-33, 36, 41, 137, 141; у него братъ Hirdir гл. 1 и 31, 49; въ шведск. текстѣ: Herding и Osid), идетъ развѣдчикомъ въ разказѣ о брачной поѣздкѣ Озантрикса, поддерживааетъ сватовство Нордунга за дочь Озантрикса, Эрку, участвуетъ въ войнѣ Озантрикса съ Атилой. Нѣмецкіе изслѣдователи, начиная съ Мюлленгофа, отождествляютъ этого Гертнита съ предыдущимъ на основаніи варианта къ гл. 350, гдѣ Гертнить II названъ племянникомъ Озантрикса. Старонѣмецкая поэма объ Ortnit'ѣ зоветъ его племянникомъ русскаго короля Ильи и заставляетъ царить въ италіанской Гардѣ, заменившей какой-нибудь славянско-сѣверный garctr (скорее въ Gardariki, чѣмъ въ Holingardr; сл. Miklagardr-Константинополь, или просто Gardr, какъ въ сагѣ о Конрадѣ); это отвѣчаетъ Гертниту II, племяннику Ильи. Но, несмотря на прямое заявленіе поэмы, ея показанія подвергаются сомнѣнію: намъ говорятъ, что въ ея источникѣ Ортнить былъ первоначально - сыномъ Ильи. **Symons**

толкуеть въ этомъ смыслѣ даже обращеніе Ортнита къ Ильѣ въ строфѣ 55 поэмы: «я сынъ твоей сестры; съ тѣхъ поръ, какъ всѣ князья (повинуются) нашей власти (in unserm Gewalte sint), я избираю тебя моимъ отцомъ: ты мнѣ отецъ (ich will dich ze vater klesen; du bist der vater min); то-есть, въ отца мѣсто. - Замѣтимъ, что съ точки зрѣнія поэмы Ильи - дядя Ортнита по матери, не по отцу, какъ понимается въ сарѣ отношенія Гертнита къ Ильѣ; можетъ быть, поэма сохранила здѣсь болѣе древнюю черту.

Нѣмецкую поэму объ Ортнитѣ въ настоящемъ ея видѣ Мюлленгофъ относить ко времени около 1226 года; **Нейманнъ** считаетъ ее контаминаціей двухъ поэмъ: одной, составленной вскорѣ послѣ 1217 года, и другой, написанной позднѣе, но на основаніи историческихъ воспоминаній о событіяхъ 1124 года. Въ дошедшемъ до насъ текстѣ содержаніе такое: Ортнитъ царитъ въ Гардѣ; его номинальный отецъ не названъ, самъ онъ прижитъ матерью отъ эльфа Альбериха; Ильи русскій - его дядя

по матери. Ортнить ѣдетъ на востокъ, за море, добывать себѣ невѣсту, дочь короля Махореля; Илья и Альберихъ помогаютъ ему, одинъ силой, другой демонической хитростью. Происходитъ рядъ схватокъ и битвъ; невѣста увезена, но Махорель готовитъ месть: посылаетъ въ страну нелюбимаго зятя яйцо, изъ котораго вылупился по временамъ страшный драконъ. Ортнить выѣзжаетъ биться съ нимъ и погибаетъ; позже прибыль туда Вольфдитрихъ, убилъ чудовище и женился на вдовѣ Ортнита.

Нейманнъ полагаетъ, на основаніи разбора дошедшаго до насъ текста поэмы, что въ ея содержаніи соединились двѣ саги, герои которыхъ носили одно и то же имя, не имѣя, кромѣ него, ничего общаго другъ съ другомъ: въ одной говорилось о брачной поѣздкѣ Ортнита, сына Ильи, въ другой объ Ортнитѣ ломбардскомъ, сынѣ Альбериха, и его боѣ со змѣемъ. Когда произошло соединеніе, Ильѣ пришлось поступиться своимъ мѣстомъ и изъ отца онъ сталъ дядей Ортнита.

Первое сказаніе о брачной поѣздкѣ Орнита отразилось въ сагѣ о Тидрекѣ эпизодомъ о таковой же поѣздкѣ Озантрикса, при чемъ помощникомъ его является его племянникъ Hertnit, сынъ Ильи; по мнѣнію Нейманна, въ началѣ дѣйствующимъ лицомъ былъ самъ Hertnit - Ortnit, котораго и замѣнилъ Озантриксъ. Мы уже знаемъ, что разказъ о сватовствѣ послѣдняго воспроизводитъ содержаніе какой-то поэмы, сходной съ поэмой о Ротерѣ, но между нею и тѣми моментами поѣздки, которые можно выдѣлить изъ Ortnit'а, слишкомъ мало общаго, чтобы ихъ можно было отождествить или возвести къ общему источнику. Что касается гипотезы объ Ильѣ, какъ отцѣ Орнита, то слѣдуетъ замѣтить, что въ Dietrichs Flucht (ок. 1285-1290 годовъ по опредѣленію Martln'a) пересказывается вкратцѣ сюжетъ Ortnit'а по неизвестному намъ тексту, но въ составѣ, отвѣчающемъ дошедшей до насъ поэмѣ (брачная поѣздка и бой съ змѣемъ); отцомъ Орнита названъ римскій король Sigehar; Илья не упомянуть; въ Anhang къ

Heldenbuch отецъ Ортнита носить имя сына (сл. *Wolfdietrich D, VII, 181: halsberg des alien Otnides*"). Вездѣ Илья-отецъ отсутствуетъ, и мы можемъ устранить построение нѣмецкихъ изслѣдователей до предьявленія новыхъ данныхъ. Ясно одно: сага знала Hertnit'a, племянника Ильи, какъ знаетъ Ortmt'a, и въ такихъ же родственныхъ отношеніяхъ, поэма его имени; сагѣ извѣстны были и какія-то нѣмецкія пѣсни, сказаніе о Гертнитѣ, сынѣ Озантрикса и его борьбѣ съ Изунгомъ. То, что изъ нихъ перешло въ сагу, напоминаетъ стиль поэмы объ Ортнитѣ: Hertnit женатъ на чаровницѣ, дочери восточнаго короля Rupa, то-есть, мудраго, вѣщаго; Ортнитъ похищаетъ свою невѣсту съ востока, мечь Махорея - драконъ, посланный имъ въ страну врага; жена Гертнита сама обращается въ дракона и поглощаетъ противника. Это, можетъ быть, какая-нибудь особая версія, отвечающая бою съ змѣемъ поэмы.

Важнѣе второе соображеніе Нейманна: существованіе поэмы объ Ортнитѣ, его боѣ

съ змѣемъ и отцѣ Альберихѣ, но безъ Ильи, то-есть, безъ русскаго приуроченія. На существованіе такой версіи указываетъ разказъ саги гл. 417 слѣд.; Альбериха, правда, нѣтъ, но важно отсутствие русскихъ отношеній: Hertnit царить въ Бергарѣ (Bergara, вар. Babilon; шведскій переводъ зоветъ его Ortnidh'омъ, онъ властвуетъ въ Brugara=Bergara: Болгарія?), бьется съ дракономъ, и погибаетъ; мстителемъ является Тидрекъ Бернскій, заменившій Вольфдитриха согласно съ планомъ саги, сдѣлавшей Тидрека Бернскаго центромъ своихъ сказаніѣ. Весь разказъ отдѣленъ отъ русскаго эпизода и русскихъ Гертнитовъ.

Къ этимъ Гортнитамъ - Ортнитамъ присоединимъ отрывочныя указанія на Hortnit'a (вар. Hortrit'a) von Riuzen въ Dietrichs Flucht v. 5908 и въ рукописяхъ ACD Rosengarten'a, тогда какъ въ рукописяхъ DE это имя читается Hartung; Hartung'a изъ Reussenland знаетъ и Anhang къ Heldenbuch. Замѣтимъ наконецъ, что

сага, гл. 30, зоветъ брата Аттвлы Otnit'омъ. гдѣ въ шведскомъ переводѣ стоитъ Herding. И такъ: въ сѣверной Германіи извѣстно было сказаніе объ Ортнитѣ русскомъ, племянникѣ Ильи, царившемъ гдѣ-то въ южномъ Гардѣ (еще но ломбардскомъ); дядя и племянникъ отдали свои имена русской генеалогіи саги и, можетъ быть. въ эпизодѣ о борьбѣ Гертнита, сына Озантрикса. съ Изунгомъ сохранились кое-какіе слѣды утраченныхъ нѣмецкихъ пѣсень о первомъ. Въ той же сѣверной Германіи ходила и особая *irvciib* о борьбѣ Гертнита съ змѣемъ, безъ русскаго приуроченія: это разказъ саги о Гертнитѣ Бергарскомъ.

Изъ именъ: Ortnit. Otnit, Hertnit, Herding, Hartung первое древнѣе по времени записи. Я полагаю вѣроятнымъ его искаженіе подъ вліяніемъ поздней этимологіи, въ приравненіи къ *ort*. Можетъ быть. и здѣсь мы вправѣ предположить корень *hruod*: слава: *Hruodntd. Rotnit; Harluiig.* еслибы дозволено было орудовать этимъ случайнымъ вариантомъ, былъ бы

Hrnodung, Hrnod-ing (Herding):-славичь (Свято,- Все-славичь и т. п.). И здѣсь можетъ подняться вопросъ: на сколько мѣстныхъ сѣверно-русскіе преданія и созвучныя имена могли способствовать усвоению встрѣчнаго имени.

Иначе объяснялъ Гертнитовъ саги Мюлленгофъ; на его теоріи «германскихъ дюскуровъ», до сихъ поръ держащейся въ немецкой наукѣ, слѣдуетъ **остановиться**; построена она строго-этимологически, но поздней формѣ имени дано предпочтеніе, а возсозданіе первичнаго сказанія крайне гипотетично и не оправдывается фактами. Тацитъ (Germ., с. 43) говоритъ, что вандальская народность Нага-нарваловъ чтитъ двухъ божественныхъ братьевъ, Alci, которые сравниваются съ Касторомъ и Поллуксомъ; ихъ культомъ завѣдывалъ sacerdos muliebri ornatu; это толкуется: съ распущенными по женски волосами; съ другой стороны названіе для вандальской королевской династіи Asdingi у Иордана, с. 22, названіе "Astiggoi для части вандальскаго племени, поселившейся въ

сѣверной Дакіи, у Діона -указываютъ на корень *hazds, сѣв. haddr, англо-сак. heord: женскіе волосы, Оттуда сѣв. Haddingjar, какъ зовутся двое младшихъ сыновей Арнгрима (Hyndl., 23, Orv. S. с. 14; Herv. S. с. 2; Сахо, стр. 25) по сагѣ о Герварѣ они близнецы, и ихъ сила вдвоемъ равна силѣ каждого въ отдѣльности; припоминаютъ и (Helgi) Haddingjaskati утраченныхъ пѣсень о Карѣ, послѣсловія въ прозѣ къ 3-й пѣснѣ о Гельги, убійцѣ Гундинга, и саги о Громундѣ. Сѣверные Haddingjar, волосатые, отвѣчали бы англос. Heardngas, ниже-нѣмецкому Hardinge, средне-верхне-нѣм. Hartunge; ниже-нѣмецк. Hardnid, откуда сѣв. Hertnit, верхне-нѣм. Ortnit были бы искаженіемъ первичнаго имени. Вандальская сага о братьяхъ Газдингахъ осталась на сѣверѣ, гдѣ приурочена была къ славянамъ или вендамъ, которыхъ въ VIII-IX вѣкѣ отождествляли съ вандалами. Оттуда Гертниты саги о Тидрекѣ. Но что же даетъ она въ подтвержденіе мѣта о **братьяхъ-діоскурахъ**? Указываютъ на парность именъ: у старшаго Гортнита (отца

Озантрикса)-братъ Hirdir; братъ Hertnit'a, сына Ильи, также зовется Hirdir; но и тотъ и другой отдають разказу одно только имя, не болѣе. Симонсъ идетъ и далѣе: мы уже знаемъ, что, по его мнѣнію, племянникъ Ильи, Ортнить, въ нѣмецкой поэмѣ этого имени былъ въ сущности его сыномъ; Гертнить, отецъ Ильи по сагѣ, попалъ не въ свое мѣсто: въ началѣ онъ былъ также сыномъ Ильи, старшимъ изъ двухъ Гертнитовъ діоскуровъ! На все это нѣтъ никакихъ данныхъ. Правда, братьями діоскурами считается и Ортнить и Вольфдитрихъ нѣмецкой поэмы: одинъ погибъ въ бою съ дракономъ, другой его убиваетъ въ отмѣстку; мы уже знаемъ, что этотъ сюжетъ перешель съ измѣненіями и въ сагу о Тидрекѣ. Но о братствѣ обоихъ героевъ нѣтъ и помину. Вся гипотеза держится на желаніи привязать показанія Тацита къ спутанной композиціи саги, въ которой участвовали въ живописномъ безпорядкѣ элементы германскаго, славянскаго и даже романскаго эпосовъ.

Доказательство этой спутанности представляет исторія Ильи. Мы уже знаемъ, что отецъ поставилъ его ярломъ Греціи (гл. 26), что у него сыновья Гертнить и Гирдиръ (гл. 31). Въ главѣ 241 сага разказываетъ о Гильтгундѣ, дочери Ильи, ярла Греческаго, какъ заложницѣ у Аттилы. Разказъ о ней приурочился къ Ильѣ изъ старой пѣснѣ о **Вальтаріи**, но мы не знаемъ еще, почему Илья очутился въ какихъ-то зависимыхъ, вассальныхъ отношеніяхъ къ Аттилѣ. Составитель саги, очевидно, спуталъ хронологію, спуталъ и имена. Это требуетъ объясненія.

Главы 308-309 говорятъ о вторженіи Аттилы съ гуннами въ царство Вальдемара-Владимира; происходитъ битва, и Аттила бѣжитъ; тогда вступаетъ въ бой его вассаль-союзникъ Гильдебрандъ, но «противъ него вышелъ ярль греческій короля Вальдемара» и свалилъ его съ коня; старошведскій переводъ саги (гл. 262-263) называетъ его братомъ Вальдемара. Это, стало быть, Илья.

Вальдемаръ палъ въ битвѣ подѣ Смоленскомъ (гл. 312), въ городѣ его братъ - ярль Иронъ. Держить онъ совѣтъ со своими мужами: «Сдается мнѣ, что у насъ въ рукахъ два выбора: одинъ таковъ, чтобы поддержать бой съ конунгомъ Аттилой, пока сможемъ, хотя всего скорѣе можно ожидать, что мы не устоимъ противъ ихъ превосходства и погибнемъ. Но есть и другой выборъ: сдаться и отдать городъ во власть конунга Аттилы. Тогда разувался ярль (*af sinom skom*), слагалъ свое оружіе; такимъ то образомъ всѣ русскіе вожди, босые, безъ оружія, вышли изъ города, показывая тѣмъ, что они побеждены. Въ тотъ день честь и власть русскихъ конунговъ переданы были конунгу Аттилѣ. Держить совѣтъ конунгъ Аттила съ конунгомъ Тидрекомъ: даровать ли миръ этому ярлу (то-есть Ирону). Мнится мнѣ, сказалъ конунгъ Тидрекъ, если только ты захочешь такъ поступить, что полезно было-бы даровать миръ этому ярлу и его мужамъ; хотя онъ пришелъ въ твою власть и все его царство тебѣ покорилося, тебѣ въ

честь и достоинство не предавать его смерти, ибо у нихъ нѣтъ оружія, чѣмъ-бы оборониться; а всѣмъ царствомъ русскихъ ты воленъ завладѣть. Говоритъ тогда ярлу конунгъ Аттила: Если любо вамъ служить намъ вѣрно. то и объявите это на вашу вѣру, а мы даруемъ миръ тебѣ и всѣмъ твоимъ мужамъ, что пришли въ нашу власть, по совѣту конунга Тидрека и другихъ нашихъ вождей. Отвѣчаетъ такъ ярль Иронъ: Государь конунгъ Аттила, елибъ было у насъ столь великое войско, что мы могли бы держать городъ передъ гуннскою ратію, не пришли бы въ вашу власть, потому и делайте съ нашей жизнью (судьбою), что хотите. За тѣмъ мы и сложили наши доспѣхи, отворили городъ и сами пришли къ вамъ босые, и стоимъ теперь у вашихъ ногъ, потому что знали васъ за добрыхъ витязей и сильныхъ мужей, какъ теперь и оказалось. Къ тому вело и другое обстоятельство, что всѣ сильнѣйшіе вожди русскихъ убиты, и мы, конечно, станемъ поступать по вѣрѣ, оказывая вамъ повиновеніе. Тутъ

пригласилъ къ себѣ конунгъ Аттила ярла Ирона и сажаль его съ своими вождями» (гл. 314).

«Тогда звалъ конунгъ Аттила конунга Тидрека и многихъ другихъ воеводъ на совѣтъ, и рядятъ они земскій рядъ, какъ устроить все то царство, которое они покорили; а затѣмъ, по совѣту конунга Тидрека и другихъ вождей, посадилъ конунгъ Аттила ярла Ирона воеводою на Руси управлять тѣмъ царствомъ, судить по земскому закону, платить дань конунгу Аттилѣ и давать ему подмоги, когда ему понадобится» (гл. 315).

Ярль Иронъ, братъ Владимира, не встрѣчался намъ доселѣ; если онъ тождественъ съ Ильей, то мы поймемъ теперь, почему Илья посылаетъ Аттилѣ свою дочь въ заложницы; только разказъ о томъ въ гл. 241 помѣщенъ ранѣе, чѣмъ Иронъ = Илья сталъ въ вассальныя отношенія къ гуннскому конунгу.

Но откуда имя Ирона?

Редакторъ 1-й части саги разказаль въ главахъ 134-146, какъ людьми Аттилы, а

главнымъ образомъ хитростью шпильмана Изунга коварнымъ образомъ убить былъ Озантриксъ. Редакторъ второй части не справился у своего предшественника: въ главѣ 278 Озантриксъ оказывается еще въ числѣ живыхъ; въ гл. 291-292 говорится о его походахъ въ землю Аттилы, гдѣ онъ завладѣлъ Брандинабургомъ, здѣсь сходятся войска гунновъ и вильтиновъ, и въ слѣдующей за тѣмъ битвѣ погибаетъ Озантриксъ. Очевидно, существовали два разказа о его смерти; редакторъ текста, сохранившагося въ отраженіяхъ рукописей АВ, попытался помирить разнорѣчія: оказывается, что въ первый разъ попытка убить короля не удалась, и онъ могъ прожить до пораженія подъ Брандинабургомъ. Въ шведскомъ текстѣ противорѣчіе осталось.

Неожиданную подробность приносить глава 350: Гертнить, сынъ Озантрикса готовится въ походъ на Изунга изъ Бертангаланда, ибо Аттила. Тидрекъ и Изунгъ учинили смерть его отцу. Тидрекъ не идетъ въ счетъ. онъ вассаль Аттилы; но откуда

явился Изумгъ изъ Бертангаланда (= Бретани)? По смѣшенію-ли съ Изунгомъ, шипльманомъ? Въ гл. 134 король Изунгъ въ пріятельскіхъ отношеніяхъ съ Озантриксомъ, посылаетъ ему своего вассала Атгейра, который и стоитъ на охранѣ его границъ; онъ еще тамъ въ главѣ 302 и слѣд., въ разказѣ о походѣ Тидрека въ Бертангалаидъ.

Вражду Изунга съ Озантриксомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уравненіе Ирона съ Ильею я объясняю себѣ такимъ образомъ:

Въ главѣ 245 слѣд. Изунгъ является въ разказѣ, представляющемъ невѣроятное смѣшеніе мотивовъ нѣмецкаго и франко-кельтскихъ сказаній и популярной въ средніе вѣка повѣсти объ Аполлоніи **Тирскомъ**. Въ Бертангаландѣ (Бретани) царитъ Артуръ; по его смерти Изунгъ завладѣлъ его царствомъ, а сыновья Артура, Иронъ и Аполлоній бѣгутъ къ Аттилѣ, который даетъ первому въ удѣлъ Brandinaborg, второму-Тиръ. То, что разказывается далѣе объ ихъ судьбѣ, представляетъ несвязный спай преданія объ

Иронъ-охотникъ, и повѣсти объ увозѣ Аполлоніемъ дочери западно-франкскаго короля Соломона. На какое то сказаніе объ Иронѣ охотникѣ намекаетъ хроника Эненкеля и нѣмецкое стихотвореніе XIII вѣка, *Der Weinschweg*; сага въ гл. 258 говоритъ, что о собакахъ Ирона ходятъ нѣмецкія сказанія и пѣсни. Къ разказу объ Аполлоніи онъ приплетенъ совершенно внѣшнимъ образомъ, попадаетъ въ плѣнъ къ Соломону, но отпущенъ на свободу, потому что отецъ Соломона, Антиохъ (имя, взятое изъ повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ) воспиталъ Аттилу, который и написалъ о томъ его сыну, какъ сюзеренъ Ирона и Аполлонія (гл. 266). Отмѣтимъ и здѣсь хронологическую путаницу саги: въ гл. 245 Иронъ получаетъ отъ Аттилы Брандинабургъ, но городъ принадлежалъ ему и ранѣе, потому что въ гл. 231 Тистрамъ ѣдетъ въ Брандинаборгъ- къ герцогу Ирону.

Итакъ: Иронъ, вассаль Аттилы, властвуетъ въ Брандинабургъ: подъ стѣнами Брандинабурга убитъ Озантриксъ въ битвѣ

съ Атилой (гл. 292), какъ Владимиръ въ бою съ Тидрекомъ, союзникомъ Атилы. подъ стѣнами Смоленска (гл. 312); Иронъ въ Брандинабургѣ-вассаль Атилы; въ Смоленскѣ по смерти Вальдемара=Владимира, вассаломъ Атилы является братъ убитаго, Илья, на котораго, по сходству отношеній, и перенесли имя Ирона.-Припомнимъ, что Изунгъ, изгнавшій Ирона, является противникомъ Озантрикса и, позднее, его сына Гертнита, какъ Атила ведеть войны съ Озантрикомъ, Вальдемаромъ и Ильей.

Смѣшеніе произошло такое тѣсное, что пытаться проникнуть ближе къ его корню было-бы пока дѣломъ рискованнымъ. Замѣчу, между прочимъ, что въ гл. 28 первая жена Озантрикса - дочь какого-то Ирона, конунга af Skorottan eda Mittan, что толкуется: Англія и Шотландія; вместо Skorottan вариантъ читаетъ Brittau: Британія или Бретань, Bertang-aland. Что Иронъ Бранденбургскій-сынъ Артура изъ Bertangaland'a, мы уже знаемъ; въ основѣ это, быть можетъ, историческое лицо, что

ответило бы соображеніямъ Сторма въ границахъ, которыя и я склоненъ допустить. Проф. Халанскій видитъ въ Иронѣ маркграфа Герона, сподвижника Оттона Великаго, «ужасъ Вендовъ», завоевавшего восточную Саксонію и державшаго власть въ восточныхъ областяхъ имперіи, пограничныхъ съ славянами.

Я предпочитаю остановиться на интересномъ фактѣ мѣстнаго, сѣверно-русскаго приуроченія, хотя и засвидѣтельствованнаго однимъ вариантомъ рукописи В. Мы уже знаемъ, что рукописи А и В исландскія, писаны въ XVII вѣкѣ, но восходятъ къ тексту, общему съ источникомъ саги, сохранившейся въ пергаменномъ спискѣ; мы, стало быть, въ правѣ ожидать, что разночтеніе В принадлежитъ старо-сѣверному подлиннику. Припомнимъ эпизодъ, какъ греческій ярль свалилъ Гильдебранда; онъ безъ имени; шведская версія саги говоритъ, что это братъ Владимира; вариантъ В читаетъ вмѣсто jarl einn af Greka: jarl einn af

Gerseke-borg, fraendi Valldemars konungs: ярль изъ города Герсеке, родичъ Владимира конунга. Генсеке возвращаетъ насъ къ ливонской хроникѣ; и Владимиру Полоцкому: rex de Gercike упоминается подъ 1205 годомъ, его звать Wissewalde = Всеволодъ (подъ 1209 г.); это Wissewolodus, rex de Gercike въ одномъ документѣ 1209 года; въ хроникѣ, онъ встрѣчается еще подъ годами 1213, 1214 и 1215; женатъ на литвинкѣ, ходитъ съ литовцами на рижскихъ нѣмцевъ. Gercike на Двинѣ упоминается уже въ записи 1203 года; акад. Куникъ сближаетъ его съ Gerseke отписи 1292 года изъ Дерпта къ Ганзейскимъ городамъ; въ послѣднемъ случаѣ разумеется Gerseke новгородскій==Городище на правомъ берегу Волхова. По мнѣнію Биленштейна и акад. Куника Gerseke - отъ градъ сѣв. garǫr, напримѣръ въ Holmgardr, Gardariki и. т. д.; судя по аналогіи Smalenceke - Смоленскъ, Plosceke = Полоцкъ, Gerseke предполагаетъ форму *Грцкъ; сл. сѣверн. gerskr-прилагательное отъ gardr и вмѣстѣ:

греческій, грекъ. Gerseke на Двинѣ былъ подъ властью вѣтви полоцкихъ князей, къ которымъ принадлежалъ и Всеволодъ ливонской лѣтописи; въ грамотѣ, данной ему рижскимъ епископомъ Альбертомъ въ 1209-1212 гг., упоминается, въ числѣ другихъ городовъ. и Зеезове, въ которомъ **Е. Р. Романовъ** подозрѣваетъ нынѣшній Царьградъ (Витебской губерніи). **Исслѣдователи** помѣщали двинскій Герцике вблизи Царьграда или отождествляли его съ нимъ; Е. Р. Романовъ ищетъ его на правомъ берегу Двины, въ имѣніи Шлосбергъ, гдѣ находится городище овальной формы, «Замковая гора» (Peliskoln). съ остатками стѣнъ на верхней площади; въ сосѣдствѣ два могильника, одинъ преимущественно съ женскими костяками, другой съ мужскими; при послѣднихъ оружіе: топоры, копья, ножи. Въ мѣстномъ латышскомъ населеніи о Замковой горѣ ходятъ разныя преданія: о сокровищѣ, спрятанномъ тамъ во время непріятельскаго нашествія (г. Романовъ напоминаетъ по этому поводу раззореніе

Герцике въ 1209 и 1215 годахъ), о войнахъ, которыя велись здѣсь Иваномъ Дикимъ (Грознымъ, по предположенію г. Романова); говорятъ, что въ древности на горѣ стоялъ укрепленный замокъ Герзакъ. Въ нынѣшнемъ Царьградѣ нѣтъ никакихъ признаковъ существованія города, ни памятниковъ старины.

Научныя раскопки рѣшаютъ спорный вопросъ о мѣстоположеніи Герцике. Для насъ достаточно пока выяснившихся фактовъ: Всеволодъ звался rex de Gercike, недалеко лежалъ и нынѣшній Царьградъ. Въ какой Царьградъ высланы были Мстиславомъ полоцкіе князья въ 1229 году? Когда подъ 1079 годомъ лѣтопись говоритъ, что хазары «поточиша» Олега Святославича въ Царьградъ, это понятно; въ замѣткѣ о Мстиславѣ Царьградъ и греки загадочны. Такъ или иначе, но греческій ярль Илья, если только эпитетъ af Greka, извѣстный сагѣ, незнакомый поэмѣ объ Ортнитѣ, исконно ему принадлежалъ, сближенъ былъ съ rex de Gercike, какъ

Владимиръ Полоцкій съ Владимиромъ старыхъ былинь.

Параллель къ Gercike-Greka можетъ представить чередованіе Tronje и Troje (Трои) при имени Гагена (Нибелунги: von Tronege; сага о Тидрекѣ: af Troia). Въ основѣ Tronje, Tronja, иначе Kirchheim, нынѣ деревня къ западу отъ Страсбурга, о которой въ житіи св. Флорентія говорится: rex Dagobertus apud municipium tunc Troniam, quasi Troiam novam, Kirchheim dictum, sibi domicilium **fixerat**. Подобнымъ же смѣшеніемъ объясняетъ проф. Нерингъ приуроченіе сказанія о Вальтаріи къ ПОЛЬШѢ: по сагѣ о Тидрекѣ, гл. 241, онъ племянникъ, по матери, Эрманариха, er red Pulі, что правилъ Апуліей; Pul указывало на Rіpіpalapd=Польшу. Въ основѣ польскаго преданія лежитъ, очевидно, не сѣверная, а, вѣроятно, нижненѣмецкая сага, при томъ же соотвѣтствіи именъ, хотя и не столь близкомъ.

Для рѣшенія вопроса о Gercike-Greka, слѣдовало бы пересмотрѣть другой, кажущійся порѣшеннымъ со времени

Мюлленгофа: будто бы въ средніе вѣка на западѣ «русскій» былъ тождественъ съ «греческимъ». Сага о Тидрекѣ знаетъ еще Сигурда греческаго (grikr, гл. 117-121, 240), что, можетъ быть, и не традиціонно; въ Dietrich und Wenezlan встрѣчается польскій король Wenezlan, въ Biterolf'ѣ Wislan (Wineslan), kunic von Beheim, но въ Dietrichs Flucht есть и Wizlan греческій: Всеславъ, Вячеславъ?

V.

Къ этой-то борьбе вильтиновъ съ русскими примкнулъ разказъ о ковачѣ Веландѣ; примкнулъ къ генеалогіи Вильтина при помощи Вади, который по перечню князей въ англо-сакс. Vidsld'ѣ (VI вѣка) оказывается царящимъ у гельсинговъ, по обѣ стороны **Зунда**. Сага о Тидрекѣ дѣлаетъ Веланда сыномъ этого Вади, живущаго въ Зеландіи; когда Вади очутился сыномъ Вильтина, послѣдняго также представили себѣ царящимъ въ Зеландѣ, Ютландѣ и Швеціи. Но это уже взглядъ составителя саги; прежде чѣмъ перейти на сѣверъ, ниже-нѣмецкія пѣсни, которыми

онъ воспользовался, могли подвергнуться нѣкоторымъ мѣстнымъ приуроченіямъ. Мнѣ кажется, эту возможность слѣдуетъ имѣть въ виду, не довольствуясь тѣмъ, чтобъ къ тому или другому географическому обозначенію саги подыскивать подходящую по созвучію мѣстность, на примѣръ, въ Вестфалии.

Ограничусь однѣмъ примѣромъ: Вади живетъ въ Зеландѣ, слышитъ, что въ горѣ Kallava (вар.: Vallofa; шведск. текстъ: Kallafva), по ту сторону моря, поселились два дверга, искусные ковачи; и вотъ онъ пускается въ путь на югъ и взявъ сына Велента на плечи, переходитъ вбродъ проливъ Groenasund (между островами Моён и Falsler). Какъ перебрался онъ черезъ Нѣмецкое море (Ostsee), мы не знаемъ, говоритъ **Гольтгаузенъ**. Мы поймемъ этотъ вопросъ. сказавъ, что Гольтгаузенъ предпочитаетъ чтеніе Vallofa, который отыскиваетъ въ вестфальскомъ мѣстечкѣ Balwe, гдѣ много горъ и показываюся неподалеку просторную пещеру. Но вѣдь Balwe удалепъ отъ МОРЯ

и не на пути Вади, перешедшаго черезъ Грёназундъ. Можетъ быть, въ горѣ Kallava сохранилась память о финскомъ Kalewa. Слово это означаетъ УТЕСИСТЫЙ, но употребляется не какъ обычное прилагательное, а какъ обозначеніе гороподобныхъ исполиновъ пѣсеннаго и мѣстнаго преданія. Калевала - страна великана Калевы; Вейнемейненъ, Лемминкайненъ, Куллерво, герои финскаго эпоса, зовутся сынами Калевы; сынъ Калевы, Kalewl-pоег или Kalewa, отвѣчающій финскому Куллерво, главный герой эстонской саги; онъ такъ великъ, что когда переходитъ черезъ озеро, вода достигаетъ ему только до паха. Въ эстонскихъ и западно-финскихъ преданіяхъ имя Калевы приурочено къ цѣлому ряду мѣстностей: холмамъ, утесамъ, озерамъ и рѣкамъ; въ сѣверной части Дерптскаго уѣзда, недалеко отъ озера Пейпуса, указываютъ на рѣчку, гдѣ сынъ Калевы палъ въ борьбѣ съ вѣроломными врагами; его громадный трупъ былъ разрубленъ на нѣсколько частей и похороненъ на близъ

лежащей возвышенности; въ лѣсу указываютъ на могильные холмы, въ которыхъ зарыты части тѣла великана; находящійся по сосѣдству крестьянскій дворъ зовется: «дворомъ могильныхъ **ХОЛМОВЪ**» Иначе указываютъ могилу Калевы на Домбергъ въ Ревелѣ; русское названіе Ревеля: Кольвань свидѣтельствуесть о древности этого приуроченія (1223 г.); финскія свидѣтельства о Калевѣ восходятъ къ **XV вѣку**.

«Калева» принадлежитъ, какъ сказано, не живому языку, а мѣстному преданію и пѣснѣ, отголоскамъ прежнихъ айстскихъ поселенцевъ: литовск. kalva = холмъ, kalnas = гора, гот. hallus = скала, сѣв. hallr **и т. д.** Кронъ, открывающій въ финско-эстонскихъ эпическихъ преданіяхъ скандинавскія и русскія воздѣйствія, выставилъ гипотезу, уже намѣченную Munch'омъ, Куникомъ, Neuss'омъ и особенно **Шифнеромъ**, и даетъ такое **объясненіе**: поэма о Беовульфѣ зоветъ шведовъ Scilfing'ами; въ Hyndluliod 11

Скильфинги (Skilfingar)-одинъ изъ трехъ царскихъ родовъ, пошедшихъ отъ Одина (Skaldskaparmal с. 64; Skalda с. 43); прибавимъ къ этому Skilfingr, какъ имя Одина и kenning **короля**; въ Снорровой Эддѣ Скильфингомъ названъ воистинный король, родъ котораго, скильфинги, властвовали впоследствии въ странахъ востока (Skaldskaparm. с. 63), то-есть, по старо-сѣверному представлению, среди финскаго населенія, говоритъ авторъ, сближая этихъ скильфинговъ съ Kilfingar саги объ Эгилѣ, гдѣ до Торольфа, которому Гаральдъ Прекраснокудрый предоставилъ подать съ лопарей, доходятъ слухи о вторженіи въ Лапландію и Норвегію кильфинговъ (Skaldskaparmal с. 10). Въ другомъ мѣстѣ страна кильфинговъ служить обозначеніемъ Holmgard'a = Новгорода (Neuss, Revals sämtliche Namen 74). Кильфинги - финская перегласовка скильфинговъ - это Колбяги Новгородской Правды, отличающей ихъ и варяговъ отъ славянъ (Kunik, Berufung der schwedischen Rodsen 11). Колбягъ указываетъ на

*Kalbing; отсюда недалеко и до Калевы. Въ результатѣ получается, что имя Калевы, восходящее къ сѣверному скильфингу, отвѣчало первоначально Одину (какъ предположилъ уже Шифнеръ) и что *Kulving-Kaleva* могло служить среди славянъ и финновъ обозначеніемъ для рода Рюрика и его скандинавской дружины. - Замѣтимъ сочетание русскихъ лѣтописей: «варягъ или колбягъ», какъ и въ византійскихъ свидѣтельствахъ за Ρωζ и Βαραγγοι слѣдуютъ Κουλιγγοι, въ который Naumann недавно усмотрѣлъ **печенѣговъ**.

Вся эта гипотеза покоится на отождествленіи *Skilfingar* съ *Kulfingar*, фонетически сомнительномъ; если такъ, то *Kulfingar*-Колбяги остаются необъясненными. Для послѣднихъ уже предложена была финская **этимологія**; почему не припомнить хотя бы Калеву==лит. *kalva*?

Кронъ открываетъ въ Ильмариненѣ финскаго преданія отраженіе извѣстнаго Вёлунда; можетъ быть, съ тѣмъ же правомъ можно поискать въ Вёлундѣ отзвукъ

преданія о сынѣ Калевы. Вёлундъ - сынъ финскаго короля-по Эддѣ; по сагѣ сынъ Вади, такого же великана, какимъ является Калева. Въ финскомъ и эстонскомъ эпосахъ Калева одинъ изъ трехъ **братьевъ**, по эстонскому эпосу у него самага было три сына, изъ которыхъ главный Kalewiroeg = Калева = финск. Куллерво; такъ и въ Эддѣ у Вёлунда два брата: черта, сохранившаяся, случайно или нѣтъ, и во французскомъ эпосѣ, гдѣ Galant одинъ изъ трехъ братьевъ.-Въ Эддѣ Вёлундъ и его братья женятся на лебединыхъ дѣвахъ, которыя покидаютъ ихъ, когда Вёлундъ былъ на охотѣ; его братья отправляются ихъ искать; въ эстонскомъ эпосѣ братья на охотѣ, когда финскій колдунъ похитилъ ихъ мать, поиски сыновей напрасны. - Ни Куллерво, ни Kalewiroeg не являются ковачами, но первый проданъ кузнецу Ильмаринену, какъ Вслундъ очутился въ неволѣ у Нидуда. По совѣту жены послѣдняго ему подрѣзали жилы на подколѣнкахъ, и Вёлундъ мститъ и женѣ и мужу, убивая ихъ

малолѣтнихъ сыновей и насилуя дочь; Куллерво такъ же мститъ своей хозяйкѣ, женѣ ковача, убивая ея сына. Въ эстонскомъ эпосѣ (гл. VI) убійство ковача стоитъ въ иной связи: Kalewiroeg заходитъ въ кузницу съ цѣлью пріобрѣсти хороший мечъ; всѣ ломаются въ его рукахъ, кромѣ одного, драгоценнаго, заказаннаго еще его отцомъ Калевой; взмахнулъ имъ юноша, и подъ его ударомъ раскрылась и наковальня и каменная глыба подъ нею. Въ следующей затѣмъ попойкѣ опьяненный Kalewiroeg убиваетъ этимъ мечемъ старшаго сына кузнеца. Это напоминаетъ знакомый намъ эпизодъ изъ саги о томъ, какъ Вёлундъ убилъ отцовскимъ мечемъ своихъ учителей-дверговъ (гл. 61), и его соперничество съ Амиліасомъ въ искусствѣ кованья при дворѣ Нидунга (гл. 63 слѣд.).-И въ эстонскомъ и въ финскомъ преданіи одинаково разказывается о томъ, какъ Кулдерво-Kalewiroeg соблазнилъ дѣвушку, которая въ финской сагѣ оказывается даже его сестрой и въ отчаяніи лишаетъ себя **жизни**; вспомнимъ такой же мотивъ

насилія въ сагѣ о Вёлундѣ. - Kalewiroeg раненъ смертельно своимъ же мечемъ, который колдунъ забросилъ въ рѣку, а онъ тамъ оставилъ, дабы мечъ никому не достался; по старо-шведской версіи саги Тидрекъ бросаетъ въ море (озеро), и съ той же цѣлью, мечъ Видеке, скованный отцемъ его **Вёлундомъ**.

Все это, по моему предположенію, разбросанные моменты какого то сказанія, проникшаго частью въ пѣсню Эдды о Вёлундѣ, а съ другой стороны приставаго, въ составѣ саги о Тидрекѣ, къ генеалогіи Вильтина. За выдѣленіемъ Вильтина и Вёлунда, древнія отношенія которыхъ мы пытались опредѣлить, остаются въ этой генеалогіи Vadi-Wate и Vidga = Witege; Vadi сталъ отцомъ Вёлунда, контаминація произошла въ этомъ пунктѣ. Въ Vadi, нѣм. Wate, видятъ морскаго великана старо-германскаго повѣрья, локализованнаго на сѣверно-нѣмецкомъ **побережьѣ**; Wate въ поэмѣ о Гудрунѣ - его очеловѣченный, идеализованный типъ, но безъ всякой эпической подкладки; въ сагѣ о Тидрекѣ у

него почти также нѣтъ исторіи, но указанія на какія-то древнія преданія о немъ сохранились въ англійскихъ памятникахъ. Старыя вдовы умѣютъ въ одно мгновеніе переноситься съ мѣста на мѣсто, такъ хорошо знакома имъ сила, чары ладьи Ваде, говоритъ Чосеръ:

They conne so mychel craft on Wades
Boot.

О Ваде и его ладьѣ, Guingelot, и диковинныхъ подвигахъ, совершенныхъ имъ на ней, существуютъ пространные, баснословные разказы, но потому-то я и прохожу ихъ молчаніемъ, говоритъ старый издатель Чосера, Speght; память о волшебной ладьѣ Ваде сохранилась въ сѣверной Англии вплоть до Реформаціи. Если Guingelot == Wingelock, то въ этомъ названіи могла сохраниться аллюзія на аналогическую черту въ разказѣ о его сынѣ Веландѣ, унесшемся на самодѣльныхъ крыльяхъ (Vigfusson); припомнимъ и диковинную ладью, которая принесла

Вёлунда въ царство Нидунга. Есть еще указанія на Ваду у Чосера Troilus III. 614, въ аллитеративномъ Morte Arthure 1. 964; въ англійскомъ переводѣ Guido delle Colonne упоминаются подъ рядъ сказанія о Ваде, Гавелокѣ и Горнѣ; въ Morte Arthure T. Malory VII, 9 такое же соединеніе именъ Ваде и Ланцелота (were thon as wyghte as ever was Wade or Lancelot); наконецъ въ Sir Bevis of Hamtoun (ed. Kölbing v. 2605) говорится о борьбѣ Ваде съ огненнымъ дракономъ.

Первое упоминаніе о Ваде. царящемъ надъ гельсингами, встрѣчается, какъ сказано, въ Vidsid'ѣ, въ перечнѣ князей, относимомъ къ VI вѣку; въ другомъ эпизодѣ Vidsid'a, также VI вѣка, разказывается о путешествіи пѣвца въ страну готовъ къ витязямъ Эрманариха, въ числѣ которыхъ упоминается Wudga и Hama:

Wudgan and Hama

125. ne waeren paet gesipa pa saemestan,
 peah pe ic hy ānīlist nemnan sceolde.
 Ful oft of pam heape hwineude fleag

giellende gar on grame peode:
wraeccan paer weoldon, wundnan golde
werum and wifum Wudga and Nama.

Нама и Wudga-это Heimir и Vidga саги о Тидрекѣ, Heime и Witege нѣмецкаго эпоса. Въ Witege видятъ Vidigoja Иордана, прославленнаго въ пѣсняхъ бойца противъ сарматовъ; съ точки зрѣнія саги онъ и Heimir - сѣверные витязи, присталые къ Тидреку; Видга- сынъ Вёлунда-Виланда; его тянетъ на югъ помѣряться силой съ готскимъ королемъ-богатыремъ.

Итакъ: въ VI вѣкѣ Ваде у Гильзинговъ, Vidga-Витеге среди Готовъ; ни при томъ, ни при другомъ нѣтъ упоминанія Веланда, хотя уже въ Беовудьфѣ его имя и сага извѣстны. Генеалогія сложилась, по крайней мѣрѣ относительно Веланда-Витеге, уже въ VIII-IX вѣкахъ въ Waldere (Vidia, сынъ Веланда); ея отраженіе мы нашли въ дѣловой записи IX столѣтія. Тогда какъ комбинація Веланда-Витеге осталась и въ преданіи позднѣйшаго нѣмецкаго эпоса, внесеніе Вильтина и Вади въ родственную

связь съ предыдущими ограничилось пределами нижненѣмецкой саги, не восходя, по памятникамъ, раньше саги о Тидрекѣ и, можетъ быть, англійскаго преданія о Wade, если въ его Guingelot отразилась легенда о Веландѣ. Какія взаимодействія мотивовъ сопровождали образованіе этой народно-эпической генеалогіи - мы не знаемъ. Великанъ Витеге напомнилъ намъ Калеву, Самсона Колывана, Колыбанова и т. д. нашихъ былинъ; его исполинскій ростъ стоитъ, быть можетъ, въ связи съ родомъ, въ который онъ вступилъ, увлекши съ собою въ составъ или, лучше, въ воспоминанія нѣмецкаго эпоса и имя своего «пріемнаго» отца, Веланда. (См. Alpharts Tod строфы 262, 283).

Еще въ одной эпической комбинаціи встречалось имя Веланда, встрѣчалось, вѣроятно, въ нижненѣмецкихъ пѣсняхъ, слѣды которыхъ сохранились, какъ отголосокъ, въ прибавленіи къ Heldeubuch: Виландъ и король Гертнить. очевидно, русскій. По этой версіи Виландъ - герцогъ,

котораго два исполина изгнали изъ его страны; очутившись въ бѣдной долѣ, онъ является въ товарищахъ Эльбериха, кузнецомъ на горѣ Gloggensachsen, наконецъ у короля Гертнита (Hertniht, вар. Hertnich), съ дочерью котораго прижилъ двухъ сыновей, Wittich и Wittichowe. Имя послѣдняго встрѣчается въ нѣмецкомъ эпосѣ, равно какъ и имена Witege и Wâte, но безъ всякихъ указаній на ихъ родственныя отношенія, Сл. Dietrichs Flucht v. 6217: her Witege und her Wâte; v. 8659: Heime unde Witegouwe, als ich der maere getrouwe. Witege und Witegisen: Rabenschlacht, строфа 732: Witegouwe.... Witegisen. Отмѣтимъ еще въ Dietrichs Flucht. v. 5908: Hertnit von Riuzen (вар. Hortrit).

Краткія извѣстія изъ Heldenbuch указываютъ на легенду особаго состава: Виландъ-изгнанникъ, какъ уже въ сѣтованіяхъ Deog'a говорилось о немъ, что его спутниками были печаль и желаніе и холодная зима изгнанія. Интереснее другая подробность: въ Эддѣ Велундъ попадаетъ

въ неволю къ Nidud'у. Nidhad'у сѣтованій Deor'a, Nidung'у саги о Тидрекѣ; по сагѣ, онъ женится на дочери послѣдняго, у него сынъ Vidga. Въ разказѣ, намѣченномъ Heldenbuch'омъ. Hertnit не являлся-ли въ роли Нидунга? Въ сагѣ о Тидрекѣ (гл. 167) говорится о доспѣхахъ, скованныхъ для короля Гертнита въ Гольмгардѣ извѣстнымъ ковачемъ Мимиромъ, у котораго былъ въ наукѣ и Веландъ (гл. 57), прежде чѣмъ попасть къ двергамъ. Отмѣтимъ въ извѣстіяхъ Heldenbuch'a еще и пребываніе Веланда у Эльбериха, откуда онъ попадаетъ къ Гертниту: въ нѣмецкой поэмѣ объ Ортнитѣ эльфъ Альберихъ, ковачь-демоническій отецъ героя, которому даритъ драгоценныя доспѣхи (строфа 111 слѣд.), какъ и *Wolfdietrich D*, 181 говоритъ о доспѣхахъ «старога» Ортнита.

Схема приуроченнаго къ Руси преданія о Виландѣ, если позволено возстановить его, примѣнительно къ схемѣ Эдды и саги, изъ отрывочныхъ и притомъ позднихъ указаній, была-бы такая: Веландъ изгнанникъ, въ неволѣ у русскаго короля Гертнита (въ

Гольмгардъ?), работаетъ на него (мечъ Мимира, доспѣхи стараго Ортнита?) и приживаетъ съ его дочерью (соблазнивъ ее?) двухъ сыновей.

VI.

Къ вопросу о Веландѣ, Велетѣ или Волотѣ возвращаетъ насъ слѣдующее мѣстное преданіе, которое разказывали русскіе послы, отправленные въ 1601 г. въ Копенгагенъ для переговоровъ объ установленіи русско-норвежской границы. Оно взято изъ бумагъ нашего посланника **Ржевскаго**; уже **Бэръ** и **Фрисъ**, а за ними **В. Мейеръ** обратили на него вниманіе; недавно имъ воспользовался и **И. Н. Ждановъ**.

«Быль въ Корелѣ и во всей Корельской землѣ большой владѣтель, именемъ Валить, Варентъ тожъ, а послушна была Корела къ Великому Новгороду съ Двинской землею, и посаженикъ былъ тамъ Валить на Корельское владѣнье отъ новгородскихъ посадниковъ; и какъ онъ ту Мурманскую землю учаль войною приводити подъ свою

власть, и мурмане били челомъ норвецкимъ нѣмцамъ, чтобы они по сосѣдству за нихъ стали... и отстояти (нѣмцы) ихъ не могли, потому что онъ самъ собою былъ дородень, ратный человекъ и къ рати необычный охотникъ.... и побиваль нѣмецъ, а во Варенгѣ на побоищѣ нѣмецкомъ, гдѣ Варенскій лѣтней погость, на славу свою принесши къ берегу своими руками положилъ камень, въ высоту отъ земли есть и нынѣ больше косые сажени, а около его подалѣ выкладено каменемъ. кабы городской окладъ, въ 12 стѣнъ, и названъ у него тотъ окладъ **Вавилономъ**. А въ Колѣ, гдѣ нынѣ Острогъ, обложено было у него каменемъ въ 12 стѣнъ тѣмъ же обычаемъ; а тотъ камень, что въ Варенгѣ, и по сей день слыветъ Валитовъ камень; а что было въ Колѣ, то развалено, какъ острогъ дѣлали. А межъ Печенги и Пазь-рѣки, отъ Печенской губы по ту сторону версть съ 35, есть губа морская, выпма пѣ берегъ круга, а о средѣ ея острокъ камень высокъ, кругомъ сверху ровень: тутъ у него для крепости и покоя за города мѣсто было...

Сл. Жур. Мин. Нар. Просв., часть ССLXIX, отд. 2, гдѣ на стр. 61 слѣдуетъ читать: XVII (вм. XX).

Къ сарѣ о Веландѣ; см. С. Hofmann, Germania VIII, стр. 10-11; К. Meyer, 1. с. XIV; Wilhelm Muller, Mythologie der deutsch. Heldensage (1886) стр. 124 слѣд. (сл. отчетъ Е. Н. Meyer'а въ Anz. f. deutsch. Alterth. u. deutsche Litteratur XIII, 23 слѣд.); Golther, Die "Wielandssage, Germania XXX (1888), Schuck, Volundarsagan въ Arkiv for Nordisk filologi IX, стр. 103 слѣд.; Niedner въ Zs. f. deutsch. Alterthum XXXIII, 24 слѣд.; Wilh. Muller, Zur Mythologie der griech. u. deutsch. Heldensage (1889) стр. 95 слѣд.; Е. Н. Meyer, Germ. Mythologie стр. 300-1.; Symons въ Paul's Grundriss der germ. Philologie II B, 1 Abth. 1. Lief. стр. 61. Указанія на эпическія преданія собраны у W. Grimm'а, Deutsche Heldensage, 3 Aufl., Register a. v. и Raszmann'а, Die deutsche Heldensage II стр. 258 слѣд.; къ географіи сл. Holthausen въ Paul u. Braune's Beitrage IX, 489- 90; о Volundarhus'ахъ и

средневѣковыхъ лабиринтахъ сл. Wilhelm Meyer въ Sitzungsberichte d. philos. philolog. u. hist. Cl. der k. Ak. der Wiss. zu Munehen, Jahrg. 1882. 2 Band (Ein Labyrinth in Versen). Предыдущая литература вопроса приведена въ указанныхъ сочиненіяхъ.

Mullenhoff, Zeugn. u. Excuse XIV.

Въ шведскихъ, датскихъ и фарейскихъ пѣсняхъ о Видрикѣ, сынѣ Веданда, имя послѣдняго встречается въ слѣдующихъ патронимическихъ формахъ: Welandsson, Welanson; Willansson, Willamsson и др. (шведск, у Arwidsson'a I 3 AB; въ шведскомъ переводѣ саги о Тидрекѣ: Widike Welandsson); Werlandsson, Wallandsonn, Warlandsenn и др. (датск. у Grundtvig I, 7 съ вариантами), V÷lintsson (фарейск. ib. I, 70; IV, Tillaeg til № 7). См. еще Valland у Chytraeus, Mindesmarker и т. д. (нап. въ 1598 г.) у W. Grimm, Heldensage стр. 362.

Dybek у Schuck, Svensk Literaturhistorie стр. 59-60.

Ивановскій, Матеріалы для изученіи кургановъ и жальниковъ юго-запада

Новгородской губерніи, Труды II археол. съѣзда, С. Пб. 1881, вып. 2, стр. 58 слѣд.

Сл. въ сарѣ сходное чередованіе именъ: Sigurdr и Sigfrodr==нѣм. Sigfried.

Schuck. Volundsagan въ Arkiv for nordisk tilologi, IX, стр. 103 слѣд.

Миѳомъ о Веландѣ занимается подробно и Rydberg, Undersokningar i germanisk Mythologi 1889-1890. Сл. Index a. v. Veland, Velint, Wiland, Volund. Основной формой имени предполагается Valand.

Гольтеръ такъ увѣренъ въ своей гипотезѣ, которую раздѣляетъ, прочемъ, кромѣ Schuck'a, и Noreen, что въ его новѣйшемъ трудѣ, Handbuch der Germanischen Mythologie (1895), имени Веланда вы не найдете.

G. Storm, Nye Studier over Thidreks saga въ Aarboger for nordisk oldkyndighed og historie. 1877, стр. 329-330.

См. мои Мелкія замѣтки къ былинамъ въ Журналѣ Министерства Народного Просвѣщенія. Ч. ССLXII, отд. 2-й, стр. 196 слѣд.

Шафарикъ, Славянскія старожитности, пер. О. Бодянского, т. II, кн. III. стр. 87 слѣд.

Mullenhoff, Deutsche Aterthumskunde, II, 24. **Ө. А. Браунъ** помѣщаетъ вельтовъ между Виндавой и Западной Двиной, въ Курляндіи.

Mullenhoff, Deutsche Aterthumskunde, II, 24. **Ө. А. Браунъ** помѣщаетъ вельтовъ между Виндавой и Западной Двиной, въ Курляндіи.

Шафарикъ, 1. с , стр. 88.

Сл. стр. 98.

Сл. стр. 89, 113, 126, 130.

Сл. стр. 105. Сл. Saxo Gramm. ed. Holder, стр. 187, 272.

Einh., Vita Caroli, Pertz II, 449: Sclavis, qui nostra cousuetudine Wilzi, proprie vero, id est sua locutione, Weletabi dicuntur... Ad litus australe Sclavi et Aisti et aliae diversae incolunt nationes, inter quos vel praecipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Weletabi. Сл. Ann. ad. a. 789.

См. Mullenhoff 1. с. Сл. ак. Куника въ примѣчаніи къ Bielenstein, Die Grenzen des

lettischen Volkstammes (SPb. 1892), стр. 485-6, примеч. 184.

Bielenstein 1. с. стр. 332.

1. с. стр. 355; **Bezenberger**, Bemerkungen zu dem Werke von A., Bielenstein ub. die ethnologische Geographie des Lettenlandes (SPb. 1895, изъ Bulletin de l'Ac. Imper. des Sciences de St.-Pb. Nouv. sѣrie IV, стр. 503).

Miclosich, Etym. Wb. a. v. vultu. Разумѣется текстъ Александріи первой редакціи. Сл. Истринъ, Александрія русскихъ хронографовъ (Москва 1893) стр. 75 приложений. Сд. Срезневскій, Матеріалы словаря древнерусскаго языка а. в. влатъ и полоть. У Jungmann'a, Slov. и Kott'a, Cesko-nemecku slov. читаемъ: *woloty = gigantes, съ ссылкой на Krok II 383. Ссылку эту я не могъ провѣрить

Шафарикъ 1. с. стр. 93 слѣд. О волотахъ сл. ст. Буслаева, Очерки I., 176, 455-6; Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія II, 650-1, 784; Потѣбня, Этимологическія замѣтки, Живая Старина, вып. III (1891), стр. 120 слѣд. Потѣбню не удовлетворило давно уже

поставленное сближеніе волотовъ съ Велетами, и онъ предложилъ новую этимологію; волоть отъ волотръ=инд. Вритра.

Изъ писемъ Е. Р. Романова отъ 29-го марта и 30-го апрѣля 1896 г.

Вильчинскій, Археологическія поиски въ Литвѣ, Арх. Зап. III.

По свѣдѣніямъ Е. Р. Романова, полученнымъ отъ мѣстныхъ этнографовъ, эти свѣдѣнія не подтверждаются существующимъ преданіемъ.

Сл. Желиховскій, Малор. слов. а. v., велить, велитень, откуда велитеньскій, велитскій, съ ссылкой на Номиса, Укр. прик.

Чубинскій, Труды... экспедиціи, и т. д., т, I, стр. 216. То же разказывается о бѣлорусскихъ осилкахъ стараго времени=гигантахъ (сообщеніе Н. Никифоровскаго, за которое приношу благодарность Е. Р. Романову). Къ сюжету сл. J. Grimm, D. Myth. I 446 слѣд.; III, 157; Котляревскій, Соч. IV: Archäologische Spane, 3: Das erste Zusammentreffen der

Menschen mit den Riesen, стр. 455, слѣд.: эстонскій (изъ Kalewipoeg XVI, v. 790 слѣд.), финскій, кашубскій (реликаны=stolymu), польскій, русскій и малорусскій варианты. Послѣдній сходень съ приведеннымъ въ текстъ.

Драгомановъ, Малор. преданія 383.

Даль, Словарь а. в.

Л. Майковъ, Великорусскія заклинанія, 473.

Сл. мои Замѣтки по литературѣ и народной словесности стр. 83-слѣд.; Историческій Вѣстникъ 1890, окт. (Городища Вятской губерніи). О чудскихъ коняхъ ел. Эйхвальдъ въ Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества т. IX, 283; ib. стр. 558 (Дополненія); о Чуди въ лопарскихъ преданіяхъ и о лопарскихъ курганахъ Poestion, Lapplandische Marchen (passim и стр. 183); Quigstad og Sandberg, Lappiske eventyr og folkesagn (1887), passim и стр. 7, прим. 4; Островскій, Лопари и ихъ преданія, Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XXV (1889) стр. 316 слѣд.

Шафарик 1. с. стр. 104, прим. 79; **W. Grimm, D. Heldensage** стр. 162, 188.

Unger въ предисловіи къ изданію Саги о Тидрекѣ (1853 г.); **Gustav Storm, Sagnkredsene om Kad den Store og Didrik af Bern hos de nordiskt; Folk. Kristiania, 1874; Hugo Treutler, Zur Thidrekssaga, въ Germania XX (1875); G. Storm, Nye Studier over Thidreks saga въ Aarboger for nordisk Oldkyn-dighed og historie, 1877, стр. 297 слѣд.; Oskar Klockhoff, Studier ofver pidreks saga, af Bern (отискъ изъ Upsala Universitets Arssksift 1880, Filosofi, Sprakvetenskap och historiska vetenskaper VI. Ск. стр. 26: (генеалогія текстовъ). Шведскій переводъ саги издалъ **Gunnar Olaf Nyhlen=Cavallius, Stockholm, 1850-1854.****

Прологъ къ сагѣ и гл. 394.

Голубовскій, Исторія Смоленской земли, стр. 124-125.

См. стр. 242-243: Storm, Nye Studier, стр. 326 слѣд.

См. Palteskia и Smalenzkia у аббата Николая (XII в.); Palteskia=Полтескъ въ сагахъ объ Orvarodd'ѣ, Eimund'ѣ и въ

Kristnisaga'ѣ; Peltiska у Саксона Грамматика. Сл. въ хроникѣ Генриха Латыша: Smalenceke, Smalenseke, Smalenceka, Plosceke.

Mullenhoff, Zeugn. u. Excuse, XXIII, стр. 341-342.

Storm, Nye Studier, стр. 341 слѣд.

1. с. стр. 492-493.

Для слѣдующаго сл. Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія I, стр. 98, 99, 104, 179 - 181; Голубовскій, Исторія Смоленской земли, стр. 108 слѣд.; Генрихъ Латышъ въ *Chronicon livonicum vetus, Scriptores rerum livonicarum I*, стр. 50, прим. с. и *passim* подъ годами 1201, 1203, 1206, 1210, 1212, 1215, 1222 (сл. текстъ у Pertz, *Mon., Scrip., t*, XXIII). Для хронологіи см. Bonnell, *Die Chronologie Heinrichs des Letten* въ *Màlanges russes t. II, 3 livr.* (1853), стр. 283 слѣд-Подъ 1208 годомъ читается: *rege magno Waldemaro in Moschowiam*, гдѣ издатель-предпочитаетъ *Plescowiam*; Боннель 1. с. стр. 291 разумѣетъ Полоцкъ.

См. Голубовскій, 1. с. стр. 176 (№ 12), стр. 196 слѣд. (№ 43 и стр. 199), 274, 299.

Сл. Мои южно-русскія былины, гл. II, стр. 64.

Asprian (==Aspilian) встрѣчается еще (въ связи съ Карломъ Великимъ) въ нидерландской поэмѣ о медвѣдѣ Wisselau и въ Roman van Karel dem Grooten en zijne XII pairs, заимствованномъ изъ французскаго источника. Считать ли самое имя романскимъ (сл. Heinzel, Ueber die Walthersage, стр. 78, прим. 1) или видѣть = въ an (Nordian, Aldrian и др.) славянскій суффиксъ (Bugge, Arkiv, 2, 166), что невѣроятно?

Въ гл. 430 саги Аспиліанъ владѣеть поместьями въ Lungbardie.

Л. с., стр. 34 слѣд.

Fridrich Neumann, Die Entwicklung der Ortnitsdichtung und der.Ortuits-sage. Germania XXVIII (1882), стр. 191 слѣд.; стр. 211 и слѣд.; сл. стр. 213, 219.

Deutsches Heldenbuch II, Einleitung, стр. LIV.

Л. с , стр. 130.

MuUenhoff, Zeitschr. f. d. Alterthum VI, 435 слѣд.; Ib. XII, 344 слѣд. (Zeugn. u.

Excuse XXIV): сл. Symons 1. с., стр. 34 слѣд.

Матеріалы для легенды типа діоскуровъ ел, у Sainenù, *Basmele romane*, *Iudice* а. в. **Г**ейнцель (*Über die Walthersage*, стр. 69, 82) высказалъ мнѣніе, что въ источникѣ «Вальтарія» герои поэмы, Вальтеръ и Гильтгунда, могли являться гуннами, либо принадлежащими къ какой-нибудь подобной народности, и лишь въ послѣдствіи приурочены къ германскимъ отношеніямъ.

С. Neumanu, *Iron und Apollonius*, *Germania* XXVII, стр. 1 слѣд. Вопросы объ Иронѣ-Ильѣ авторъ не касается.

Халанскій, Южно-славянскія сказанія о Маркѣ Кралевичѣ, стр. 521-522.

Въ письмѣ ко мнѣ отъ 16-го іюня 1896 г., изъ котораго слѣдуютъ далѣе выдержки.

Сл. Bielnstein. *Die Grenzen* і. с., стр., 100, см. *ibid.* Register а. в. Gerseke, Gercike. Gerseke, Gertzeke, Gerzeke, Gersika, Gersike. О Герсикѣ сл. еще Сапуновъ, Рѣка Западная Двина, стр. 467 слѣд.

Heinzel, *Walthersage*, стр. 80.

Möller, Das altenglische Volksepos I, стр. 18, 39; II, строфа II (Wada Haelsingum); Müllenhoff, Wado, въ Zs. für deutsch. Alterthum IV, стр. 63.

L. c. стр. 489-490: Müllenhoff, Wado. 1. с. стр. 63, полагаетъ, что въ болѣе древнемъ преданіи Groenasund находился гдѣ нибудь на фризскомъ побережьѣ у Везера и Groeningen'a.

Schott, Die ehstnischen Sagen von Kalevipoeg (Berlin, 1863), стр. 440-441, прим. 8; Jul. Krohn, Finska litteraturens historia I, 367; Schiefner въ Мѣlanges Russes IV, стр. 160-161.

Schott. 1. с. 447.

Kreuzwald, Kalevipoeg XI.

Schott 1. с. стр. 414; Krohn с. с. стр. 145, 340, 378-379; Schiefner 1. с., стр. 160-161.

Веске, Славяно-финскія культурныя отношенія, стр. 255

Krohn, 1. с. стр. 430.

Diefenbach, Vergl. Wb. der. goth. Sprache II, 520-1; Feist, Grundriss der got. Etimologie a. v. hallus. Comparetti, Der Kalewala 189 слѣд., производитъ kalewa отъ слав. скала,

но сл. Fick, Vergl. "Wb. d. indogerm. Sprachen 3 A. I, стр. 813 а. v. skal. Другія этимологіи (Лённрота отъ русскаго голова, Кастрена отъ татарскаго (лер: богатырь, Ahlquist'a отъ литовск. kalvis: вузнецъ) см. у Krohn'a 1. с. стр. 340, прим. 2.

Schiefner, Mъlanges Russes I, 591: Zur Sampo-Mythe; IV: Zum Mythos vom Weltuntergange; Ueber die ehstnische Sage von Kalevipoeg; Ueber das Wort Sampo im finnischen Epos; Ueber Kaleva и Kalevingen.

L. с. 340-342, 379.

Egilsson, Lex. poeticum. а. v. Skilfingr.

Byzantinische Zs. III, 374 слѣд.

Барсовъ.

L. с. стр. 269 слѣд.

Schott, 1. с, стр. 447.

Къ мотиву сл. Child, The english and scottish popular ballads p. II, № 50.

W. Grimm, D. Heldensage 1. с. стр. 67; изд. Нултън-Саваллиус гл. 385

См., между прочимъ, ,Golther Handbuch der germanischen Mythologie (1895) стр. 198;

E. H. Meyer, Mythologie а. v. § 385.

Canterbury tales, The Merchant's Tale въ Complete Works of G. Chaucer, ed. Skeat, Oxford, 1894, т. IV, стр. 432.

О Ваде см. Mullenhoff, Wado, въ Zs. f. deutsches Alterthum VI, 62 слѣд.; Wharton, History of english poetry ed. 1871, v. II, p. 123; Vigfusson, Corp. poet. boreale I, 160; Skeat 1. с. V, стр. 356. - Tyrwhitt ссылается по поводу Ваде на Camden, Britannia 907 и Charlton, Hist. of Whitby p. 40; въ изданіи Camden'a, которымъ я пользовался (London 1594), говорится о замкѣ саксонскаго вождя Wade въ Yorkshire'ѣ, близъ Whitby; Ваде вступилъ въ битву съ королемъ Ардульфомъ и бѣжалъ; его похоронили между двухъ камней, около пяти футовъ вышины; разстояніе между ними, въ 11 футовъ, указываетъ на гигантскій ростъ (стр.554-5).

Отрывокъ старо-англійской поэмы о Ваде найденъ былъ недавно въ одной латинской проповѣди XIII вѣка о «Смиреніи». Латинскій текстъ говоритъ объ Адамѣ, что до грѣхопаденія онъ былъ властителемъ міра, а послѣ того не могъ защититься даже

отъ укусовъ мелкихъ насѣкомыхъ (a pulice sive pediculo); до грѣха онъ былъ подобенъ Богу, послѣ того не похожъ на него (dissimilis), ставъ изъ человѣка какъ бы не человекомъ, и не только онъ, но и всѣ (люди) стали звѣроподобными (omnes ferae fiunt), какъ бы не людьми, такъ что позволено сказать съ Ваде: «Одни эльфы, тѣ змѣи (nadderer), другіе - никсы, что живутъ у водъ (bi den patez или расcez; wades, watere?); нѣтъ человѣка, развѣ одинъ Гильдебрандъ» (Nister man nennebute Ildebrand enne). Послѣ этой цитаты проповѣдникъ продолжаетъ: и въ настоящее время иные люди, напимѣръ, тираны - волки, иные стали змѣями, львами, лисами и т. д. Сл. Academy 1896 № 1241, стр. 137: Jannaris, Tale of Wade; ib. № 1242, стр. 157: Montague Rhies James, The Song of Wade. Весь отрывокъ еще ждетъ объясненія; Гильдебрандъ, разумѣется, не отецъ Ваде, какъ значитъ въ сообщеніи Jannaris'а. Замѣтимъ, что ссылка на Ваде (Ita quod dicere possunt cum Wade)

указываетъ, скорѣе чѣмъ на поэмѣ, на автора этого имени.

Muller. 1. с. I, стр. 10; II. стр., v. 124-130.

См. выше, стр. 236.

Карамзинъ, И. Г. Р. XI, гл. 1, прим. 56 (изд. Эйнерлинга).

Buehr, Ueber labyrinthformige Steinsetzungen im russ. Norden, въ *Bullet. hist. philol. de l'Ac. de St.-Petersb.* I (1844) стр. 74 слѣд.

Fries, En sommer i Finmarken, russisk Lapland, og Nordkarelen. Christiania 1871 (цит. В. Мейеромъ).

Wilh. Meyer 1. с. стр. 292 слѣд.

Ждановъ, Русск. былевой эпосъ стр. 35, прим.

По поводу такого же лабиринтообразнаго сооруженія на островѣ Ботническаго залива недалеко отъ устья Кеми какой-то кемскій житель сообщилъ ак. Бэру что подобныя постройки зовутся у нихъ Вавилонами. Вавилонами же называются въ Малороссіи, по увѣренію Бэра, пространныя, набитыя льдомъ погреба (Eiskeller).